This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

9
Б26

ПАМЯТНИКИ
НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА
ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

42995

Е. Барсова.

С. Петербургъ.
1873.

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

Музея Ростовского
Инв. №
Музея древностей.

Е. Барсова.

РОСТОВСКИЙ
№ 35115
МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 217. Типографія Майкова, въ д. Министер. Фин., на Дворц. площ.
1873.

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

Музей Ростовского
Инв. №
Музей ин. редкостей.

Е. Барсова.

РОСТОВСКИЙ
№ 35115
МУЗЕЙ ДР-ГИЖ. ЕЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 217. Типографія Майкова, въ д. Министер. Фин., на Дворц. площ.
1873.

БИБЛИОТЕКА
ГОСТОВСКОГО
ФИЛИАЛА ЧРМЗ

PG3129
04B3

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Общества.

ПАМЯТНИКИ НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

ОБЪ ОЛОНЕЦКОМЪ ПѢСНОТВОРЧЕСТВѢ [1]).

Олонецкая губернія справедливо въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе людей науки. Начиная отъ пѣдръ земныхъ до верха человѣческаго сознанія и отъ граней холмовъ вѣковыхъ до безчисленнаго разнообразія животной жизни, здѣсь все представляетъ глубокій интересъ для изученія. Но если чѣмъ особенно богатъ этотъ край, то именно разнообразными созданіями народнаго творчества: здѣсь бьетъ оно кипучимъ ключемъ и разливается въ необозримый океанъ народной поэзіи, предъ которымъ невольно чувствуетъ свое безсиліе изучающій. Въ эпическихъ старинахъ уцѣлѣли для насъ тѣ драгоцѣнныя доисторическія преданія, которыхъ нельзя уже встрѣтить ни въ какихъ другихъ источникахъ; въ обрядовыхъ пѣсняхъ и погребальныхъ плачахъ предъ нами рисуется вся душа народа съ ея волненіями, съ ея повышеніями и понижеціями, вся внутренняя жизнь его съ тяжелою обстановкою, съ борьбою противъ стихій природы, противъ силы обычая и людской неправды.

---

[1]) Читано въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ 30-го апрѣля 1872 г.

Три условія главнымъ образомъ благопріятствовали развитію и сохраненію народнаго творчества въ Обонежскомъ краѣ.

Первое—то, что здѣсь живутъ Новгородскіе удалы-добры молодцы, народъ толковитой, затѣйной и хватовитой. Оттиснувъ „роды Корельскихъ дѣтей" въ станы каменистые и болотные, они занимаютъ здѣсь мѣста удобныя, хлѣбородныя. Щегольство-гульба до нынѣ составляетъ здѣсь главную забаву молодецкую. Добры молодцы носятъ здѣсь поддевочку дорогихъ сукопъ, на ножкахъ сапожки козловыи, кругъ сердечка кушачики шелковыи, на головѣ шляпоньки пуховыи, они ходятъ-то, удалы,—подтяни нога. Красныи дѣвушки рядятся въ цвѣтное, баснстое платьице, сарафаны новомодныи, рострубистыи; на голову кладутъ жемчужную подвѣсточку, по подвѣсточкѣ — розову косыночку; въ завивную свою косу русую вплетаютъ золотыи, дорогіи эты ленточки; во ушеньки сережки брилліантовы; на бѣлую грудь цѣпочку золоченую. Мужики живутъ здѣсь великіи смѣлугища; ни на морѣ не боятся непогодья, ни въ лѣсахъ дремучихъ звѣрей оны рыскучихъ, ни судей не боятся страховитыхъ. Женщины здѣсь спацливыи домовушки и великіи стряпеюшки; оны стряпаютъ стряпню новогородскую: нагольники, сканцы, припечники, рядовики, пироги-тонки-пряженки и т. п. Но всего замѣчательнѣе то, что здѣсь до нынѣ живо сохраняются еще воспоминанія о тѣхъ прежнихъ временахъ, когда „Новгородъ вѣдь былъ не покорёной, и ко суду были крестьяне не приведены". Золотой вѣкъ этотъ рисуется въ здѣшнихъ преданіяхъ такъ:

„Были людюшки тогды. да не штукавыи,
„Не штукавы оны были, запростѣйшіи;
„Какъ судьи да въ тую пору не молодыи,
„Пожитьи да мужики были почётныи,
„Настойсливы оны да правосудливы".

Самый судъ происходилъ здѣсь „на церковномъ крыльцѣ" и дѣлъ рѣшались „передъ образомъ":

„Буде што да въ прежніи времена случилося,
„Соберется три крестьянина хоть стоющихъ,
„Промежь ду-другомъ оны да разсовѣтуютъ,
„Какъ спасти да человѣка-то помиловать

„По суду ли то теперечко по Божьему,
„По этымъ ли законамъ праведливымъ.
„Тыи времечка прошли да не видаютца,
„Тыи годы скоротались, не слыхаютца" [1]).

Но вотъ „наступили бусурманы превеликіи, разорили оны славной Новгородъ", и съ того времени быстро пошло заселеніе Обоонежскаго края. Всѣ тутъ предались въ подсивѣрну сторонушку, на званы острова да эты Кижскіи, во славное во обчество во Толвую [2]). Построили здѣсь домовища, завели здѣсь торговлю и разбогатѣли:

„Были добры у ихъ кони иноходныи,
„Были славны корабли да мореходныи".

Но при всемъ своемъ богатствѣ долго не могли они забыть своей родины:

„Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную
„О Владычномъ оны да этомъ праздничкѣ
„И прослужатъ тамъ обиденку воскресную,
„И какъ выйдутъ на крылечико церковное,
„И какъ сглянутъ во подлѣтную сторонушку, —
„Тутъ защемитъ ихъ ретливое сердечушко,
„Сговорятъ оны вѣдь есть да таково слово:
„Гдѣ вѣдь жалобно-то солнце пропекае,

---

[1]) Изъ плача о старостѣ.

[2]) Имя *Кижъ* обнимаетъ юго-западную часть такъ называемаго Заонежья, то есть, полуострова, вдающагося въ Онежское озеро съ сѣвера на югъ. Въ составъ Кижской волости входятъ шесть погостовъ: Кижскій, Сѣнногубскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій и Карасозерскій. *Толвуй* есть общее названіе восточной полосы Заонежья, то есть, погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Вирозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго. Въ обѣихъ волостяхъ считается болѣе чѣмъ по 4,000 душъ жителей. И та, и другая група поселеній довольно древни: названіе Толвуя неоднократно встрѣчается въ историческихъ памятникахъ, начиная съ XV вѣка. Главный промыселъ населенія, въ обѣихъ волостяхъ, составляетъ рыбная ловля; сверхъ того, многіе Кижане занимаются столярнымъ, плотничьимъ и портняжнымъ мастерствомъ, а также службой на судахъ; всѣ эти послѣдніе промыслы — отхожіе. Толвуйцы тоже отчасти промышляютъ бурлачествомъ (изъ свѣдѣній, сообщенныхъ крестьяниномъ Кижской волости И. А. Касьяновымъ). *Л. М.*

„Тамъ вѣдь прежняя, родима наша сторона,
„Наша славна сторона Новогородская“ [1]).

Любопытно, какъ сохраняются здѣсь самыя преданія, и какъ глубоки симпатіи Заонежанъ къ былому, древне-русскому быту, здѣсь они видятъ свои идеалы, по отношенію къ коимъ продолжаютъ оцѣнивать свое настоящее. Старики стародревніи говорятъ недоросткамъ молодымъ:

„Послыхайте словеса наши старинныи,
„Запримѣтьте того, малы недоросточки!
„Ужъ какъ это сине морюшко сбушуется,
„На синёмъ морѣ волна да порасходится,
„Будутъ земскіи всѣ избы испражнятися,
„Скрозекозныи судьи да присылатися;
„Всѣ измѣнятся пустыни богомольныи,
„Разорятся всѣ часовенки спасёныи...
„Кругомъ-около ребята обстолпилися,
„Какъ на этыхъ стариковъ да оглядилися,
„Ихнихъ рѣчей недоростки пріослухались...
„Кои умны недоросточки, примѣтныи,
„Оны этыи слова тутъ принимали, —
„Объ досюльныихъ законахъ постоятельныхъ,
„Объ досюльноемъ житьѣ Новогородскоемъ.
„Сволновалось сине славное Онегушко,
„Какъ вода съ пескомъ помутилася.
„Тутъ воспомнятъ-то вѣдь малы недоросточки:
„Теперь-нонь да времена-то тѣ сбываются,
„Какъ у старыхъ стариковъ было разсказано“ [2]).

Изъ этихъ поэтическихъ преданій видно, что Заонежане донынѣ не потеряли сознанія о своемъ происхожденіи, о своей широкой, затѣйной и хватовитой натурѣ, о своемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ и удаломъ молодечествѣ. Въ этой-то Новгородской природѣ и въ этомъ-то народномъ сознаніи кроется первое и ближайшее условіе

---

[1]) Изъ плача о старостѣ.
[2]) Оттуда же.

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долголѣтіи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи старикища — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежніе же годы народъ былъ еще шире, могутнѣе и кряковистѣе. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долговѣкихъ старикищевъ въ преемственныхъ поколѣніяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойдти до насъ самыя древнія старины стародавнія.

Наконецъ, дикость сѣверной мѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олонецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣковые лѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеки усторонь-ица, дикія залѣсьица и малыи безлюдьица. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

„Туды малая птица не залетыватъ,
„Сѣрой заюшко туды не проскакиватъ;
„Извощики туды не заѣзживаютъ,
„Перехожіи калѣки не захаживаютъ".

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданіями и обычаями предковъ и по преимуществу вращаться въ области поэзіи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именно то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ сильнымъ давленіемъ природы. Въ древнихъ помянникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, мы постоянно встрѣчаемъ имена потопшихъ, древомъ убіенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — зябели на полѣ, недороды на лугахъ, недоплоды на дворѣ. Много силъ нужно было тратить

сельщикъ. Старики помнятъ его до настоящаго времени. Онъ умеръ лѣтъ 75 тому назадъ. Разсказываютъ, что онъ былъ человѣкъ „обдѣлистый“, ходилъ по монастырямъ и зналъ много старинъ и присказней: „Эдакаго“, говорятъ, „пѣвца съ гуслями (трехугольными, въ 12 струнъ) не бывало да и не будетъ; еще сто годовъ, а память Михаилы не забудется“. Пришелъ онъ однажды въ Питерѣ къ одному генералу—милостыни просить, чтобы родителей помянуть. Генералъ наскоро выскалъ съ канапели (то есть, съ дивана) и по щекѣ ему далъ: „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „на поминокъ“. Михайло благодушно принялъ эту милостыню и отправился дальше съ своимъ товарищемъ; но генералъ вдругъ оборотилъ ихъ къ себѣ: „Ай же вы, псы“, говоритъ, „что вы знаете?“ „Мы, все знаемъ,—пѣсни пѣть, старины сказывать, на гусляхъ играть съ припѣвками“. Генералъ продержалъ ихъ у себя три недѣли, съ дому не спущалъ,—это было во время маневровъ; самъ онъ писался боленъ и все старины слушалъ да игру на гусляхъ; а когда отпустилъ изъ дому, далъ имъ по халату. Сынъ Михаилы хозяйствовалъ въ Петербургѣ, вышелъ тамъ въ купцы, дознался и вывезъ отца—не далъ больше ходить по Питеру; но Михайло померъ въ деревнѣ; въ Питерѣ не могъ жить, не по душѣ ему было.

Этотъ слѣпецъ извѣстенъ еще одною пословицей, которая повторяется до нынѣ. Въ деревнѣ Пустынѣ, въ 14 верстахъ отъ Космозера, жилъ крестьянинъ Иванъ Кириловъ—подавалъ милостыньку маленькую, былъ жаденъ и скупъ; про него-то Михайло сложилъ стихи:

„На узкихъ Пустыняхъ
„Жилъ-былъ Иванъ Кириловъ —
„Ни голъ, ни богатъ;
„Онъ сорокъ калякъ
„Однимъ блиномъ надѣлилъ,
„А что пальцемъ накинетъ,
„То и милостыня“.

Изъ учениковъ Михаила Слѣпаго до нынѣ извѣстны Филиппъ Клеменьтьевъ Сизой и Трифонъ Ивановъ Злобинъ.

Сизой—изъ деревни Артовской, самый близкій сосѣдъ Михаила Слѣпаго; около 50 лѣтъ, какъ умеръ. Онъ былъ широкій, порный

и сильный старикище; занимался плотничествомъ и былъ такой плотникъ, что топоръ повѣситъ да взглянетъ глазомъ, такъ питкой не отбивалъ, отвѣса не нужно было. Однажды работалъ онъ съ товарищемъ Ѳомой Ѳоминымъ въ раскольничьемъ Даниловѣ монастырѣ: тесъ пилили. Прочіе пильщики да монастырцы подсмѣивали надъ ними, что „оны такіи плечистыи да могутныи". Около кузленицы стоялъ огромный валъ мельничный, *бушли* на него нагоняли. Сизой съ Ѳоминымъ взяли этотъ валъ, бросили кверху и стали играть имъ, какъ игрушкой. Увидалъ это большакъ, подивился не мало и далъ имъ за это калитку, пряникъ большой съ поларшина во всѣ стороны. Сизой пѣлъ много былинъ, и голосъ у него „прибрякивалъ". Братъ его Ѳедотъ Клементьевъ живъ до теперь; ему 100 годовъ; тотъ былинами не займуется; звѣрей ловитъ больше, лисицъ да зайцевъ.

Другой ученикъ Михаила Слѣпаго—Трифонъ Зюбинъ, изъ деревни Денисовой, того же Космозерскаго погоста; лѣтъ 20 какъ умеръ. Занимался онъ крестьянствомъ. Недовидокъ онъ былъ; такъ говорилъ—запкался, а какъ старину начнетъ пѣть — чудо какой голосъ мастерской: и въ умахъ нѣтъ, что поетъ запка. Пѣлъ онъ больше про Дюка Степановича и Добрыню Никитича. Когда кто плохо разбиралъ въ книгѣ, тому говорили: „Ступай къ Трифону, онъ лучше тебя знаетъ, даромъ что подслѣповатой".

Лѣтъ 20 тому назадъ былъ здѣсь еще одинъ мастеръ пѣть старины—Онтонъ Ивановъ Устрѣцкой; очень много зналъ онъ присказней; ко всякому слову было готовое слово. Покрывалъ онъ церковь бѣлою жестью въ Космозерѣ и на бакалую съ креста сталъ спущаться по веревкѣ; ногой ступилъ въ петлю, въ одномъ концѣ каната, а другой конецъ держалъ руками и опускался; канатъ закусило жестью; Онтонъ взадъ было похарайдовалъ, но лукавой попуталъ; упалъ онъ и убился.

Е. Барсовъ.

I.

БЫЛИНЫ.

Печатаемыя былины сообщены въ Географическое Общество Е. В. Барсовымъ, бывшимъ профессоромъ Петрозаводской духовной семинаріи, а нынѣ помощникомъ хранителя рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Былины эти записаны по порученію г. Барсова бывшими его учениками, преимущественно г. Михайломъ Гурьевымъ. Сказитель, отъ котораго записана большая часть былинъ, есть крестьянинъ Василій Щеголенокъ или Щеголенковъ (ремесломъ—бродячій крестьянскій портной), извѣстный по сборнику П. Н. Рыбникова (см. т. III, замѣтка собирателя, стр. XXV—XXVI, и т. IV, перечень пѣсенъ по пѣвцамъ, стр. 6), а также по статьѣ А. Ѳ. Гильфердинга „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды“ (Вѣстникъ Европы 1872 года, кн. 3-я, стр. 92, 120 и 122). По замѣчанію Гильфердинга, Щеголенокъ принадлежитъ къ числу сказителей, „которые отвыкли отъ соблюденія размѣра“; этимъ замѣчаніемъ, которое подтверждается и словами г. Барсова (сравн. ниже, стр. 530), объясняется нѣкоторая нестройность стиха въ печатаемыхъ пересказахъ.

Не смотря однако на этотъ недостатокъ, пересказы г. Барсова весьма замѣчательны по представляемымъ ими особенностямъ содержанія и изложенія. О. Ѳ. Миллеръ еще въ 1868 году, имѣя въ рукахъ сборникъ г. Барсова, познакомилъ съ нимъ Отдѣленіе Этнографіи и тогда же указалъ на нѣкоторыя особенности Барсовскихъ пересказовъ; въ послѣдствіи эти указанія были имъ внесены въ его обширное изслѣдованіе о русскомъ народномъ эпосѣ: „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“. Печатая нынѣ цѣликомъ пересказы г. Барсова, мы сочли не безполезнымъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ сдѣлать ссылки на книгу г. Миллера, а также и съ своей стороны прибавить нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній.

Л. М.

Святогоръ богатырь [1]).

1.

Святогоръ богатырь—сила у него неизвѣстная;
Поѣзжаетъ въ путь дороженьку во широку,
Со этыма съ доспѣхамъ богатырскима;
Беретъ онъ плеточку шелковую—
Коня-то богатырскаго понуживать;
Палицу булатную — понигрывать.
Гдѣ конь идетъ, по колѣнъ въ землю гряжетъ,
Подъ этымъ Святогоромъ богатыремъ.
Сдремалъ Святогоръ богатырь —
На томъ конѣ да богатырскоемъ;
Вдругъ и сзаду его наѣхалъ человѣкъ неизвѣстенъ,
Ударилъ палицей булатною —
И проговорилъ Святогоръ таково слово:
„Русскіе мухи кусаютъ больно“.
И другой разъ ударилъ Святогора богатыря —
И проговорилъ Святогоръ таково слово:
„Садко, терпѣть не могу“.
Оглянулся назадъ Святогоръ-богатырь
Со этого коня богатырскаго,
Со этого со стремени булатнаго,
Поворотъ держалъ да на праву руку,
Схватилъ онъ человѣка неизвѣстнаго съ сырой земли,
Положилъ онъ человѣка во свой колчанъ.
Поѣхалъ Святогоръ богатырь,
Путемъ—широкой дороженькой;
Плеточкой коня да онъ понуживатъ,
Палицу булатну съ руки на руку перемѣтыватъ;
Конь-то идетъ спотыкается,
Малыя рѣки онъ прошахиватъ,
Не широки озера перескакиватъ,

---

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 181, 218, 243—244.

u,

Отдохнуть на матерь на сыру землю;
Насыпали конямъ пшены да бѣлояровой;
Копи стоятъ да все пшено ядятъ,
Пшено ядятъ да бѣлоярово;
Самы ревомъ ревутъ да богатырскіимъ,
Сѣдла у коней потрескиваютъ.
Пробудилися русскіи могучіи богатыри
Отъ сна да богатырскаго;
Не много, не мало спали русскіи могучіи богатыри
Не много, не мало спали на сырой землѣ—трои сутки.
Стали стремена булатны перелаживать,
Прикрѣпить поспѣхи всѣ богатырскіи
На тыхъ коняхъ да богатырскіихъ;
Садятся эты русскіи могучіи богатыри
На этыхъ коней да богатырскіихъ
Со этыма поспѣхамъ богатырскима;
Хочутъ ѣхать по сырой землѣ
И испытать своя сила богатырская—
Который буде бо́льшій братъ,
И который буде меньшій братъ.
Поѣхали они по сырой земли по матери,
Коней стали понуживать
Этыма плеточкамъ шелковыма,
Палицами булатныма погрывать,
Палицы кидаютъ подъ облако.
Разгорѣлося сердце богатырское
У этого Святогора богатыря;
Ужахнулось сердечко у стара казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца, сына Ивановича.
И наладили разъѣзды на сырой землѣ
Эты русскіи могучіи богатыри,
Не на много, не на мало, на три поприща,
Испытать-то своей силы богатырскоей.
Поѣхали эты богатыри по чисту полю,
Коней стали понуживать
Плеточками шелковыма,

Тымы ль палицами булатныма поигрывать,
Выкидывали палицы булатныи подъ облако.
Ужахнулось сердечко у стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича,
Проговоритъ коню своему богатырскому:
„Ай же ты, конь мой богатырскій,
„На уходъ уходи: будемъ мы убиты.
„Отъ этого Святогора отъ богатыря".
Поѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Со этымъ со конемъ да богатырскіимъ.
Разгорѣлось сердце богатырское
У стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича.
Поѣхалъ онъ дорожкой широкою,
Въ умѣ держитъ—уѣхать отъ Святогора богатыря;
Не охота получить смерти напрасныя.
Коня сталъ богатырскою плеточкой понуживать,
Палицей булатной поигрывать.
Укрылся старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Со этого да со чиста поля.
Говорили со Святогоромъ богатыремъ
Слова да оны крѣпкіи —
Испытать своей силы богатырскоей,
На томъ полѣ да на чистоемъ.
Уѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ
Со этого со поля со чистаго;
Шпорами коня да богатырскаго потыкиватъ,
Плеточкой шелковой помахиватъ,
Палицей булатной поигрыватъ,
Самъ говоритъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичь:
„И служи-тко ты, конь богатырской, безъизмѣнно мнѣ".
Малыи рѣки конь перешахиватъ,
Озера не широки перескакиватъ,
Лѣса дремучи подъ себя пущалъ,
Болота на кругъ оббѣгалъ.

Оглянулся Святогоръ тутъ богатырь,
На томъ ли онъ да на чистомъ полѣ,
Размялъ свою силу богатырскую:
Не видать русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ;
Уѣхалъ русскій могучій богатырь со чиста поля
Расходились печени богатырскіи,
Разсмотрѣли очи ясныя,
Что нѣтъ русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ.
Проговоритъ своему коню да богатырскому
Святогоръ богатырь таково слово:
„Служи-тко ты мнѣ да безъ измѣнушки".
Шпорами коня да онъ потрагиваетъ,
Конь подъ богатыремъ почувствиваетъ,
Плеточкой шелковой полаживаетъ,
Коня да надо ему богатырскаго
Понуживать да пріударивать,
Палицу булатну съ ножней да вытягивать,
А палицей булатной погрываетъ
И палицу подъ облако выкидываетъ.
Разгорѣлось сердце богатырское
У Святогора да богатыря —
Догнать надо стара казака Илью Муромца,
Илью Муромца, сына Ивановича.
Малыи рѣчки конь перешахиватъ,
Озера не широки перемахиватъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пущалъ;
Не досталъ Святогоръ богатырь
Стара казака Ильи Муромца.
Разгорѣлось сердце богатырское
У того ль Святогора до богатыря;
Выходитъ онъ со добра коня,
Со добра коня да богатырскаго;
Становится онъ да на сыру землю,
Самъ проговоритъ Святогоръ богатырь таково слово:
„Удержи-тко ты, мать сыра земля,
„Русскіихъ могучихъ богатыревъ

„И Святогора да богатыря
„И стара казака Илью Муромца".
Поднимается Святогоръ-то богатырь
На эту на щелью великую,
Спущаетъ каменья огромныи
По всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ—на три поприща.
Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь
По всѣмъ по четыремъ сторонамъ:
Нѣтъ русскаго могучаго богатыря,
Стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича.
Поднимался Святогоръ да богатырь
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,
Говоритъ-то онъ да таково слово:
„Было бы кольцо да во сырой землѣ,
„Друго бы кольцо да въ высокомъ небѣ
„Поворотилъ бы я мать сыру землю
„Вверхъ крайчикомъ;
„Не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ".
Поѣхалъ путемъ дороженькой Святогоръ богатырь
Отъ этой думы крѣпкоей;
Измѣна-конь-то пошахиваетъ;
Приздынулъ да своей-то головы богатырской
Этотъ Святогоръ богатырь,
Утупилъ-то опять свои очи ясныи
Во сыру землю:
„Не съ кѣмъ испытать силы богатырской,
„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка,
„И нѣтъ-то мнѣ да поединьщичка".
Лежитъ-то колчанъ да о широку путь дороженьку,
Подпись на колчанѣ да подписана:
„Въ этомъ колчанѣ—вся земная тягота".
Остановилъ то Святогоръ богатырь
Своего то коня да богатырскаго.

БИБЛИОТЕКА
РОСТОВСКОГО
филиала ЧРМЗ

[redacted]

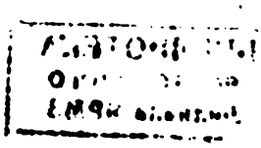
Выходитъ съ коня да богатырскаго
На эту на матерь на сыру землю,
Глядитъ на коня да богатырскаго:
„Служилъ ты, конь богатырской, вѣрой-правдой мнѣ!“
Стоитъ-то конь да голова повѣшена,
Хочетъ Святогоръ-то богатырь
Испытать своей силы богатырскоей,
Принимается за этотъ колчанъ подпреанный,
Первый приздынулъ колчанъ съ сырой земли,
Угрязнулъ во сыру землю по косточки;
Второй разъ колчанъ да приздымываетъ,
Угрязнулъ Святогоръ да богатырь по колѣночка,
Заревѣлъ то конь богатырской по звѣриному,
Самъ проговоритъ голосомъ человѣческимъ:
„Не кому больше ѣздить будетъ на конѣ да богатырскоемъ“.
Вздохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней;
Лопнули стремена булатніи,
Оборвались свясточки шелковыи,
Увалился конь на сыру землю.
Проговорилъ Святогоръ да таково слово
И поднялъ колчанъ со сырой земли,
И принялъ себѣ смерть Божью.

(Запис. Михаиломъ Гурьевымъ отъ крестьянина Василья Щеголенкова. Пѣвецъ отказался пѣть эту былину, но согласился разсказать ее, такъ что она является не столько былиной, сколько побывальщиной).

Дюкъ Степановичь и Щурило Щапленковичь (Микула Селяниновичь и Вольга Святославичь) [1]).

Отправляется Дюкъ Степановичь во чисто поле
На своемъ-то конѣ да богатырскоемъ
Земли матери перевалпвать.
День-то пахалъ Дюкъ Степановичь,—
Коня-то богатырскаго понукиваетъ,

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 223.



И сошка у пахаря поскрыпываетъ;
День-то проходитъ, на другой-то онъ на чисто поле,
Опять пахарь коня богатырскаго понукиваетъ,
И сошка у него да поскрыпываетъ.
Проходитъ тому времени два денька —
Отправляется Дюкъ Степановичь во чисто поле
Переваливать сырой земли матери.
Идетъ-то русскій могучій богатырь
Путемъ-дороженькой да широкой.
Пришелъ-то русскій могучій богатырь къ Дюку Степановичу,
Здоровье они сдѣлали межу собой,
Спрашиваетъ Дюкъ Степановичь таково слово:
„Какъ тебѣ имячко Божіе?"
Отвѣтъ держалъ русскій могучій богатырь:
„Имячко мнѣ—Щурилушко Щапленковичь,
„Я до васъ день шелъ путемъ широкой дороженькой
„Слышно, пахарь попахиваетъ
„И коня-то богатырскаго понукиваетъ,
„И сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И во другой день отправился по дороженькѣ по широкой
„И слышалъ, пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И въ третій день отправился въ путь дороженьку во широку,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ.
„Въ третій день пахаря засталъ да на сырой землѣ".
Проговоритъ Щурилушко Щапленковичь да таково слово:
„Не ты ли есть Дюкъ Степановичь?"
„Отвѣдаемъ-ко мы, Щурилушко Щапленковичь
„Силы богатырской межу собой!"
Оборотился Щурилушко Щапленковичь
Проговоритъ ему да таково слово:
„Я вижу у стольнаго града у Кіева".
Проговоритъ Дюкъ-то Степановичь таково слово:

„Я живу-то за рѣкой да за Пачаевой.
„Надо испытать намъ, сила богатырская между собою!"
Приходитъ Щурилушко Щапленковичь
Въ свою ли то палату богатырскую,
Говорилъ-то своей да родной матушкѣ:
„Ай ты, моя родная матушка!
„Я нашелъ-то въ похожденіи богатыря.
„День-то шелъ я до пахаря,—
„Пахарь попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И по другой день тогды я отправился
„По той ли дороженькѣ по широкой,—
„Слышно пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И по третій день тогды я отправился
„Въ путь дороженьку во широку,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ.
„Пашетъ пахарь-то Дюкъ Степановичь,
„И сила у насъ-то не пытаная".
Беретъ-то Щурилушко Щапленковичь,
Беретъ онъ коня да богатырскаго
Во этой во конюшнѣ бѣлодубовой:
Надѣваетъ на коня уздицу тесмяную
Кладываетъ на коня исподнички,
На исподнички кладываетъ онъ войлочки,
На войлочки онъ сѣделышко—
Сѣделышко да черкасское;
Затягиватъ подпруги онъ двѣнадцатеры,
Пряжечки въ подпругахъ желѣзныи,
А шпилечки чиста золота;
Булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ,
Арабское золото не держится;

Завязыватъ Щурилушко свясточки семи шелковъ
Не для-ради красы—ради крѣпости;
Садится на коня да богатырскаго,
Съѣзжаетъ со двора да богатырскаго
Съ этима доспѣхомъ богатырскима
И самъ проговоритъ да таково слово
Своему коню да богатырскому:
„Ай же ты, мой конь богатырскій!
„Служи-тко ты мнѣ вѣрой-правдою
„Вѣрой-правдою да безъ измѣнушки,
„Какъ служилъ ты моему родну батюшку".
Проговоритъ конь голосомъ да человѣчыимъ
„Садись-ко ты, Щурилушко Щапленковичь,
„И поѣдемъ мы къ той рѣки ко Почаевой,
„Пріѣдемъ мы да на крутъ берегъ
„Эта рѣка да Почаева
„Глубиной рѣка до сорока саженъ,
„Поперекъ рѣка да верста мѣрная".
Поѣхалъ-то Щурилушко Щапленковичь
На этоемъ конѣ да богатырскоемъ
На оную рѣку да на Почаеву.
Проговоритъ конь голосомъ да человѣчінмъ
„Ай ты, Щурилушко Щапленковичь!
„Доѣдемъ мы до половины рѣки Почаевой,—
„Размокнутъ твои свясточки шелковыи,
„Оборвутся твои стремени булатныи,—
„Держись ты за волосы конинныи,—
„И вынесу я тебя изъ рѣки да изъ Почаевой,
„Вынесу тебя да на крутой берегъ.
„Осѣдлай-ко ты сызнова коня да богатырскаго".
Сѣдлалъ тутъ Щурилушко Щапленковичь
Коня своего да богатырскаго.
Перекрѣпилъ тутъ всѣ доспѣхи богатырскіи.
Унываетъ-то сердечушко у Щурилушки Щапленкова,—
Надо съѣхать то намъ на поле чистое
Ко этому ко Дюку ко Степановичу.

Садился на коня да богатырскаго
Щурилушко Щапленковичь
И проговорилъ таково слово:
„Служи-тко ты вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою, да безъ измѣнушки!"
Шпорами коня да потыкиваетъ,
И конь-то дороженькой поступываетъ
Головушкой своей да помахиваетъ.
Видитъ Щурилушко Щапленковичь,—
Ѣздитъ Дюкъ-то Степановичь во чистомъ полѣ.
Сталъ то коня да онъ понуживать
Этою плеточкой шелковоей,
Палицей булатной поигрывать.
Пріѣзжаетъ Щурилушко Щапленковичь во чисто поле;
Разгарается сердце богатырское;—
Разъѣзды сдѣлали они за три поприща
Со этынмъ со Дюкомъ Степановичемъ;
Они соткнулись палицами въ одно мѣсто.
И сразилъ-то Щурилушко Щапленковичь
Этого Дюка да Степановича.
И ударилъ его о сыру землю,
Самъ проговорилъ ему таково слово:
„Я буду большой братъ, Дюкъ Степановичь,
„А ты будь меньшій братъ;
„Станемъ мы служить у стольнаго Князя у Владиміра
„У Солнышка во городѣ во Кіевѣ
„Служить-то будемъ безъ измѣнушки."

(Запис. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

Илья Муромецъ.

1 [1]).

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,

---

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 277, 285 и 757; здѣсь этотъ пересказъ ошибочно приписанъ калѣкѣ Латышову.

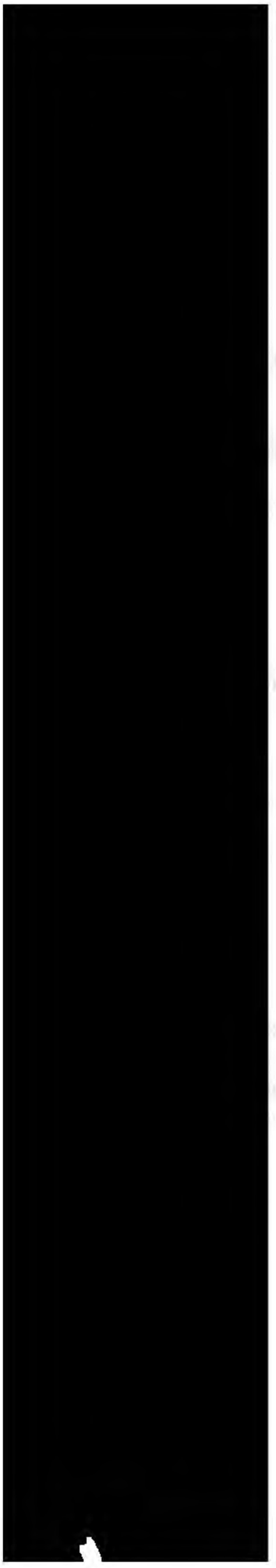
И поѣхалъ въ путь—дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскоемъ,
И надѣлъ-взялъ шубку соболиную
Старой казакъ Илья Муромецъ;
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понуживать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатнюю,
И вѣсомъ-то она да сорока пудовъ,
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широкую;
И пришло да тутъ три розстани
И написано на розстани:
Во праву руку ѣхать—женатому быть;
Во лѣву руку ѣхать—богатому быть;
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
Не надобно старому казаку Ильѣ Муромцу женатому быть,
И мнѣ не надо старому казаку Ильѣ Муромцу богатому быть, —
Я поѣду казакъ Илья Муромецъ, гдѣ убитому быть.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на четыреста разбойниковъ,
И вси-то разбойнички спать улеглись,
Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговариватъ:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
„Отдай-ко ты шубку соболиную;
„Если честно отдашь,—мы честно возмемъ;
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ;
„Отдай-ко ты плеточку да богатырскую:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ;
„Если—нѣтъ, такъ и не честно возмемъ.
„Старой казакъ Илья Муромецъ!
„Отдай-ко ты палицу булатную:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ,
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ".

И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболиная обогрѣватися,
Плеточка богатырская—коня понуживать,
Палица булатняя—поигрывать.
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убилъ-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
И привязалъ-то одного разбойничка къ оторòкамъ конинымъ
И поѣхалъ въ путь дороженьку широкую отъ силы убитоей.
Въ шубкѣ соболиной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскоемъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживатъ
И палицей булатной поигрыватъ.
Малыи рѣки онъ перешахиватъ—конь богатырскій
Не широки озера, да перескакиватъ,
И озера—болота перемахиватъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пущатъ.
И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И пріѣхалъ онъ къ Одòлищу поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатырскіи
И говорилъ да онъ таково слово:
„И надо бы мнѣ стару казаку Ильѣ Муромцу пообѣдати“.
Проговорилъ Одòлище поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолище поганое:
„Много ли хлѣба кушаешь?“
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолище поганое, три фунта,
„Похлебки хлебаю я—кружку,
„Пива пью я пол-яндовы“.
Проговоритъ Татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
„Хлѣба ѣшь ты пò малу,
„Похлебки хлебаешь ты пò малу,

„И пива пьешь ты по малу?“
Проговоритъ Одолище поганое:
„Вотъ я за богатырь.
„Голова у меня, какъ пивный котелъ;
„Глаза у меня, какъ пивны чаши;
„И межь глазами у меня—да цѣлая пядень;
„И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,
„Хлѣба я кушаю—по печи
„И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу
„И пива я пью—по три яндовы“.
Старой казакъ Илья Муромецъ отвѣтъ держалъ:
„У моего родителя у батюшки была на дворѣ корова эдака,—
„Сама она была да обжорлива;
„Ѣла, да пила,—да ю розорвало!
„Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широко поле,
„Отвѣдаемъ-ко силы богатырскоей!“
Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна,
Растрепалъ Одолища поганаго.
И поѣзжае старой казакъ Илья Муромецъ съ этого обѣдища,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Пріѣхалъ къ царству незнакомому,
Явился къ Королю на бѣлый дворъ.
Донесли Королю, что пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на королевскій дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„И слышно о тебѣ да о богатырѣ по всѣмъ ордамъ“.
Проговорилъ Король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ Илья Муромецъ у меня во дворе“.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
„Одинъ-отъ разбойничекъ къ оторокамъ конинымъ“.

„Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Былъ бы граду моему да защитчикъ.
„Нѣтъ у меня такого славнаго богатыря".
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого Короля да со бѣлаго двора,
И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать съ городу:
Въ описяхъ есть да написано:
Ко городу надо съѣхать ко Кіеву.
Розыскиваю я, богатырь, по всей земли
И мѣста-да я разсматриваю;
И сидѣлъ-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣлъ-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Далъ мнѣ Господь хожденіе ногамъ
И силу богатырскую неизвѣстную.
И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Хлѣбъ-то онъ имѣлъ да во колчанѣ
И всѣ доспѣхи при себѣ у богатыря.
Придвигается ко дорогѣ онъ ко широкой—
И написано на дорогѣ на широкой:
Во правую путь ѣхать—ко городу ко Кіеву.
По лѣвую путь ѣхать—ко Соловью Рахманову,
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ.
Жилище онъ имѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы летущей.
Свисталъ онъ по змѣинному,
Кричалъ онъ по звѣриному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ;
Охота очистить путь эта ко городу ко Кіеву;
Пріѣзжаетъ ко полю ко чистому,
Увидалъ онъ богатыря, ѣзжучись по полю по великому;
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
И копя-то богатырскаго богатырь понужираетъ,
Палицей булатной погрываетъ,
Выкидываетъ палицу подъ облако.

И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ.
Коня сталъ понуживать
И палицей булатноей поигрывать,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
И выѣхали эты богатыри на широко поле
И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свиснулъ онъ да по змѣиному,
Крыкнулъ онъ да по звѣриному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты конь да богатырской!
„Не бойся ты свисту змѣинаго,
„Не бойся ты крыку звѣриннаго,
„Служи ты вѣрой-правдой мнѣ!“
Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—
И вышибъ Соловья Рахманаго
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
Ко этымъ къ отòрокамъ конинымъ;
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Палицей булатней поигрываетъ;
Пріѣзжаетъ къ дому Соловья Рахманаго,—
Было-то у него да три дочери.
Большая дочь говоритъ:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ
„Русскаго могучаго богатыря везетъ въ оторокахъ конинымхъ“.
И середняя дочь тоже говоритъ:
„Привязанъ русскій могучій богатырь къ отòрокамъ конинымъ“.
А меньшая дочь говоритъ:
„Ай вы сестры мои да родимыи!
„Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ
„Да нашего батюшку везетъ



„У тыихъ ли у тòрокахъ копнныихъ".
Пріѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;
Ворота да отворены на пяту—на бѣлый дворъ;
Махнулъ онъ тутъ копя да богатырскаго
Плеточкой шелковоей,
Собрался на бѣлый дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;
Выходятъ дочери на крыльцо да на парадное,
Прогòворятъ богатырю да таково слово:
„Умертвилъ ты нашего родителя!"
Прогòворилъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
„Знаешь ли ты, бòльшая дочь Соловья Рахманаго?
„Есть ли храбрѣе меня, воина Ильи Муромца,
„А красивѣе тебя?"
Проговоритъ дочь великая Соловья Рахманаго:
„Я твоей храбрости не вѣдаю,
„Стара казака Ильи Муромца и сына Ивановича,
„ А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать!"
У мéньшой у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Есть ли красивѣе тебя и храбрѣе меня?"
Прогóворитъ меньшая дочь Соловья Рахманова:
„Во подсолнечномъ градѣ у Кóроля
„Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,
„Очи у ней—ясна сокола
„По коспцамъ у ней звѣзды частыя".
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь;
Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,
Ко городу ко Кіеву
Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-Кіевскаго.
И пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко городу ко Кіеву,
Къ тому ли князю да ко Владиміру
И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.

И входитъ во покои княжецкіи,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И Солнышку князю Владиміру
Дѣлаетъ поклонъ особинной.
Увидали всѣ русскіи могучіи богатыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій братъ!
„Держимъ мы надежду на тебя да великую,—
„Будь же ты городу Кіеву да защитчикъ!“

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

2 [1]).

Какъ съѣхались сильніи могучіи богатыри въ чистомъ полѣ,
Оны съѣхались да поздоровкались,
Со первой со стороны батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ,
А съ другой со стороны сильное Иванище Игнатьевъ сынъ,
Оны съѣхались да поздаровались.
„Здравствуй, сильное Иванище Игнатьевъ сынъ!
„Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„ Я оттоль иду да отъ Царя-града,
„ Отъ Царя-града иду да отъ Іерусолима“.
Говоритъ ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ.
„Во Цари-граде есть вѣра та-ль по старому?
„Въ Іерусолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ
„Во Царя-граде есть вѣра не по старому,
„Въ Іерусолимѣ есть вѣра не по прежнему,
„Тамъ обсилило проклятое Идолище,

---

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 326 и 750.

„Сидитъ между царемъ, между царицею
„Межъ Сурывлнвымъ Васильемъ Боголюблевымъ“.
Говоритъ ему старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Чтожь ты на проклятое не нàпущалъ?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„Не то я на проклятаго не нàпускалъ,
„Не смѣлъ то я думушкой подумати,
„Не смѣлъ то я мыслями помыслити;
„Какъ головище у проклятаго съ пивной котелъ,
„А глазища у проклятаго съ пивны чаши,
„А носище у проклятаго бывъ калена стрѣла,
„А тулóвье у проклятаго будто куча сѣнна — несмѣтная“.
Говоритъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Ай-же ты, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
„Ты садись-ко на матушку сыру землю,
„Разувай-ко лапотки изъ семи шелковъ,
„Ты снимай-ко подсумки изъ литà бурхатà,
„Вынимай-ко шляпу земли Грецкіи,
„Скидывай ты гуню Сороцинскую,
„Одѣвай-ко мое платье дорожнее“.
Онъ отвѣчатъ ему, стару казаку да Ильѣ Муромцу.
„Какъ добромъ тѣ не дать, такъ ты силомъ возмешь,
„Силомъ возмешь, да мнѣ-ка горбъ надмёшь“.
Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ шляпу земли Грецкія,
Скидывалъ онъ гуню Сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платьице Ильюшино—дорожнее.
Скорымъ-нàскоро Ильюша одѣвается,
Покрутёшенько Ильюша снаряжается,
Обувалъ Ильюшинка лапòтики семи шелковъ,
Въ которыхъ лапотикахъ вплачено
По камешку по яхонту,
По яхонту по самоцвѣтному,
Не длѝ-ради красы-басы убожества,
А ради укрѣпы богатырской—молодеческой,

Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Справлялся Илюша во дороженьку,
Покрутенько да снаряжается;
Изымалъ Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ единаго;
Пошелъ Юльюша, пробирается,
Только мать земелька подгибается;
Скоро скажется, по успѣху дѣло діется:
Это будетъ Илья да у Цара-града
У Царя града у Іерусалима,
У той стѣны у городовоей.
Закричалъ Юльюшенька въ полголоса,
Во Цари-граде новы домы пошатилися,
А старые то домы разсыпалися,
А бережіе кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися;
На Божьихъ церквахъ чудны кресты покривились.
Проклятое чудовище у палаты грановитые
Ужаснулся да чудь обмалтался,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь Василій Суровливичь да Боголюблевичь!
„Выходи-тко на крылецко на царское,
„Закричи ты царь да зычнымъ голосомъ;
„Како у тя во Цари-граде уродище уродуетъ,
„Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
„Чтобы шелъ онъ въ палату грановитую,
„Во ту гридню во столовую,
„Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
„Крестъ клалъ онъ по писаному,
„Кланялся на всѣ четыре стороны,
„Царю со царицей понизешеньку
„А твоимъ гостямъ—любимымъ въ особину".
Тутъ выходилъ царь на крилечко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калика перехожая!

[redacted]

„Ты поди ко мнѣ во покои во царскіи,
„Крестъ кладай по писаному,
„Поклонъ веди да по ученому,
„Клонись на всѣ четыре сторóны,
„Царю съ царицей поизвеньку,
„Моимъ гостямъ любимымъ въ особину“.
Того-то шишъ калика взрадовалася,
Скакалъ калика черезъ стѣну городóвую,
Черезъ тотъ-то тынъ черезъ булатный,
Шелъ калика скорымъ-нáскоро
На ты сени на царскіи,
Во ту палату грановитую,
Во ту во гридню во столовую.
Ужъ онъ крестъ кладалъ да по писаному,
Поклоны велъ да по ученому,
Клонится на всѣ на четыре на сторóны,
А царю съ царицею въ особину,
А проклятому чудовищу челомъ не бьетъ.
Это тутъ проклятому не слюбилося,
Онъ вѣдь сталъ калику выспрашивать,
Сталъ каликушку вывѣдывать:
„Ай-же ты калика шишъ перехожая!
„Ты коей земли, да ты коей орды,
„Коего отца да коей матушки“.
„Я со матушки да со Святой Руси,
„Со Святой Руси да съ богатой орды“.
„Видалъ ли ты шишъ калика перехожая,
„Видалъ ли ты да Илью Муромца;
„Какъ у васъ на матушки на Святой Руси
„Есть Илья у васъ Муромецъ,
„Онъ у васъ, говорятъ, сíленъ есть“.
Отвѣчатъ шишъ-калика не съ упадкою:
„Голосомъ и волосомъ и возрастомъ
„Будто братецъ мой;
„Ужъ я платьица ношу его обдержечки,
„А сапожки ношу его оптопточки,

„А шляпу ношу его да рваную“.
Говоритъ ему проклятое Идолище:
„По много ли онъ хлѣба къ выти кушаетъ?“
„А калачъ да булочка ему на два дня“.
Говоритъ тутъ сильное проклятое Идолище:
„Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ;
„Ѣмъ семь печей калачей
„Да сорокъ мякушечекъ;
„По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,
„А по лебедю я сразу закусываю“.
Говоритъ тутъ шишъ калика перехожая,
Отвѣчаетъ онъ калика не съ упадкою:
„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,
„Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное
„По много къ выти ѣла, ѣла—треснула“.
Ему эты рѣчи не слюбилися,
Схватилъ онъ проклятой булатный ножъ,
Какъ бросилъ онъ проклятой въ Илью Муромца.
Какъ тутъ-то Юльюшп смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за лопинку,
Пролетѣлъ булатный ножъ на сини да на царскіи,
Какъ прибилъ онъ поганыихъ Татаровей!
Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженьку,
А другаго схватилъ за правую за рученьку,
Какъ началъ тутъ Юльюшпька помахивать,
Куды махнетъ, туды улица,
Отмахнетъ куды, переулочекъ;
Прибилъ тутъ проклятыихъ Татаровей,
Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;
Завзималъ онъ дубинку подорожную,
Пришелъ-то онъ во гридню во столовую,
Ударилъ онъ Идолище да межу уши,
Покатилась головище, какъ пивной котелъ,
Полетѣли глазища быдто селезни,
И поплыли по Волхову.

Понесло его тушу сѣнную—несмѣтную.
Тутъ ему проклятому славы поконъ.

(Записано А. Николаевскимъ, въ приходѣ Кулгала, Филимоновой волости, отъ крестьянина Щербакова).

3 [1]).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ;
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей;
Вси князья—вси бояра со двора да съѣзжали,
Середи-то поченьки да темной,
Пріѣхалъ-то Татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владиміру,
Ко Владиміру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ёрлычекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ ли столъ да на дубовой,
На ту ль доску да на позлаченую;
Самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Прибери-тко вси дворы да княженецкіи,
„Очисти-тко палаты богатырскіи,
„Обмети-тко ты улицы стрѣлецкіи—
„Въѣхать Капну-собакѣ поганому
„Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхалъ Капнъ-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому камень ко Латырю,
Ко тому ли дубу то ко широку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,

---

[1]) Соотвѣтствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но не полный и съ инымъ окончаніемъ, находится въ сборникѣ Рибникова, I, 118 — 119.

Илью Муромцу, сыну Ивановичу.
Пришелъ русскій могучій богатырь
Къ стару Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на стороны покланяется;
Стару казаку Илью Муромцу
Дѣлатъ онъ поклонъ да особинный.
„Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„Пріѣхалъ-то Татаринъ поганый въ палаты княженецкіи,
„И самъ ерлыкъ-то на столъ да выкладывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовый,
„На ту доску да золоченую;
„Самъ на словахъ да выговариватъ:
„Прибери-тко ты вси двери да княженецкіи,
„Очисти палаты богатырскіи,
„Ометн улицы стрѣлецкіи.
„И въѣхать Капну-собаки поганой
„Во стольный градъ во Кіевъ.
„Пріѣхалъ Татаринъ собака поганый
„Ко той рѣки ко Смородиной,
„Ко тому ль то камени ко Латырю,
„Ко тому ль то дубу да ко широку,
„И привелъ сорокъ королей и королевичей,
„И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
„У королей, у королевичей силы по цѣлой е по тысящи,
„У царей, у царевичей по сту тысящъ.
Проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
„Дай-ко ты, Солнышко Владиміръ князь,
Дай намъ времени поотдохнуть,
Не на много, не на мало на двѣнадцать дней;
Поѣхали во палаты богатырскіи
Русскіи могучіи богатыри;
Насыпали пшены бѣлояровой

Конямъ да богатырскіимъ;
Они стоятъ—пшено ѣдятъ.
И проходитъ тому времени двѣнадцать дней.
Приходитъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко Солнышку князю ко Владиміру,
Дѣлаетъ поклонъ да о калиновъ мостъ,
Самъ Владиміру слово выговариватъ:
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Спусти-тко меня ко тѣмъ ли Татарамъ поганыимъ".
Проговорилъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:
„Есть ты молодъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
„Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;
„Гдѣ же у тебя да родный батюшка?"
Воспроговоритъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ:
„Ушелъ-то мой родной батюшка
„Ко Ерману ко Сергію.
„Дай ты, Солнышко мнѣ Владиміръ князь,
„Прощеньицо и благословеньицо:
„Поѣду ко Татарамъ ко поганыимъ;
„Дашь прощеньице—поѣду,
„И не дашь благословеньицо—поѣду,
„Стоять за стольный градъ да Кіевъ,
„За свое родное отечество,
„За свою ль за ту вѣру христіанскую".
Пріѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко этыимъ ко русскіимъ богатырямъ
Во палатки богатырскіи.
Вси кони стоятъ и вси пшено ѣдятъ,
Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
И спятъ русскіи могучіи богатыри.
Проговоритъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„И не честь спать русскіимъ могучіимъ богатырямъ,
„Надо ѣхать ко тымъ Татарамъ ко поганыимъ.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ,

[redacted]

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
„Ай же ты младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!
„Есть ты юноша младый,
„Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;
„И выстань ко ты во широкъ дубъ,
„И посмотри-тко на Татаръ да на поганыихъ:
„Много ль нагнано Татаръ поганыихъ?“
Опустился младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Со этого со дуба со широка;
Проговоритъ стару казаку Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:
„Только нагнано Татаръ поганыихъ—
„Сѣрому волку въ день не оскакать;
„И черному ворону въ день не облетать,
„И не честь русскіимъ могучіимъ богатырямъ,
„Надо ѣхать ко Татарамъ ко поганыимъ“.
И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
На этое на поле на чистое.
Ко этыимъ Татарамъ ко поганыимъ.
Выстал старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Отъ этого отъ сна да богатырскаго;
И выстал онъ да во широкъ дубъ,
И посмотрѣлъ да ко той рѣки да ко Смородиной,
И ко тому ль ко каменю ко Латырю,
Ко тому ль дубу да ко широку;
Посмотрѣлъ то во трубу подзорную
На поле на чистое.
И только нагнано Татаръ поганыихъ—
И сѣрому волку въ день не оскакать,
И черному ворону въ день не облетать;
И младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
И ѣздитъ на томъ ли конѣ на богатырскоемъ
По этому то полю по чистому,
И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
И палицей булатной погрываетъ.

И во поли чистомъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубитъ Татаръ да поганыихъ.
Разгорѣлось у стараго казака Ильи Муромца сердце богатырское:
„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!
„Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ!
„Поѣду единъ во поле во чистое".
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
Палицей булатной погрываетъ;
Пріѣхалъ ко Татарамъ ко поганымъ на поле на чистое.
Стали рубить Татаръ поганыихъ—
Со этымъ со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ;
И прирубили Татаръ да поганыихъ
На этомъ на полѣ на чистоемъ.
Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко Солнышку князю ко Владиміру;
Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;
Крестъ они кладываютъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому
И на двѣ, на три, четыре на стороны покланяются,
И Солнышку князю Владиміру да въ особину.
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Прирубили мы всѣхъ Татаръ поганыихъ,
„Со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
„По родительскому прощеньицу,
„По Божьему благословеньицу".
(Зап. М. Гурьевымъ отъ Шеголенкова).

Добрыня Никитичь.

1 [1]).

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
„Свѣтъ-государь — моя матушка,

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 497—498.

„Честна вдова Евфимья Александровна,
„Дай-ко мнѣ прощенье благословеньице,
„Ѣхать во далече, далече во чисто поле,
„Отвѣдать мнѣ плеча да богатырскаго
„Кровавить-бить мнѣ поганыхъ Татаровей“.
Отвѣчаетъ ему свѣтъ его матушка,
Честна вдова Евфимья Александровна:
„Ай-же ты, мое да чадо милое,
„Молодой Добрынюшка Никитинечь,
„Какъ бы родился ты силою въ Кострюка Демьюновича,
„А ухваткой въ стараго казака да Илью Муромца,
„А походочкой въ Чурилу Пленковича!“
„Ай свѣтъ, свѣтъ государь моя матушка,
„Ты на что меня Добрынюшку спородила,
„На что меня на бѣлой свѣтъ попустила,
„Спородила бы Добрыню бѣлымъ камешкомъ,
„Кинула бы камешокъ да въ сине море,
„Лежалъ бы Добрыня бѣлымъ камешкомъ въ синемъ мори“.
Тутъ-то его матушка росплакалась,
Давала прощеньице-благословеньице;
Тутъ Добрынюшка возрадовалъ;
Пошелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Сѣдлалъ-то Добрынюшка добра̀ коня̀,
Сивушка и бурушка косманнаго,
Застягивалъ двѣнадцатью подпругами,
Тринадцату натягивалъ продольную;
Тутъ-то пошелъ во свою палату грановитую,
Ко честной вдовы ко Овфимьи Александровнѣ,
Палъ-то онъ во правую во ноженьку,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Свѣтъ государь моя матушка,
„Честна вдова Овфимья Александровна,
„И въ томъ же молода Настасья Никулична!
„Если я не буду черезъ три года да изъ чиста поля,
„Такъ ты, жена моя боярыня, поди на всѣ четыре сто́роны,
„Только не ходи за моего за брата за названнаго;

Сталъ Настасью онъ тутъ подговаривать:
„Если ты добромъ пойдешь, такъ я силомъ возьму,
„Будетъ у меня сватъ князь стольно-Кіевскій,
„Княгиня будетъ свахой Апраксія“.
Потомъ у нихъ начался почѐстной пиръ:
А Добрынюшка спитъ во чистомъ поли,
Во бѣломъ шатрѣ спитъ-прохлаждается,
Надъ собой невзгоды не начается.
Тутъ налетѣлъ воронъ-птица черная,
Сѣлъ онъ на сырой дубъ и сталъ кричать
Человѣчьимъ голосомъ:
„Какъ ты спишь, Добрынюшка Никитинечь,
„Надъ собой-то ты невзгоды не вѣдаешь;
„Надъ тобой невзгода есть великая:
„Какъ твоя то молодà жена Настасья Никулична
„Зà мужъ пошла за твоего за братца названаго
„За Олешеньку Поповича“.
Тутъ его конь-лошадь добрая
Сталъ копытомъ бить да о сыру землю,
Стала матушка сыра земля подрагивать;
Отъ того отъ сна крѣпкаго
Добрынюшка пробуждается,
Выходитъ онъ съ шатра бѣлополо́тняна,
Конь-лошадь добрà
Человѣчьимъ языкомъ провѣщился:
„Ай же ты, Добрыня Никитинечь!
„Ужъ ты спишь во шатрѣ да прохлаждаешься,
„Надъ собой невзгоды не начаешься;
„Надъ тобой-то есть невзгодушка великая:
„Твоя-то молодà жена
„Молода жена Настасья Никулична,
„Она вѣдь пошла за мужество,
„За твоего за братца названаго,
„За Олешиньку Поповича“.
Повернулся Добрыня крутёшенько,
Одѣвался Добрыня скорешенько,

Снаряжался Добрыня со чиста поля,
Садился Добрыня на добра коня,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ-ты конь-лошадь добрая,
„Сюды ты везла ровно шесть годовъ,
„А отсель провези да ровно два часа“.
Какъ пошелъ конь да лошадь добрая,
Рѣки, озера перескакивалъ,
Мелкіи источники межь ногъ пустилъ.
Скоро скажется, по успѣхъ дѣло діется.
Проѣхалъ онъ Добрыня полтора часа;
Будетъ онъ у своей палаты грановитыя,
У того поселья богатырскаго,
Будетъ онъ подъ окошечкомъ косивчатымъ,
Какъ сидитъ его родитель матушка,
Честна вдова Овфимья Александровна,
Подъ тымъ подъ косивчатымъ окошечкомъ.
„Ахъ ты, честна вдова Офимья Александровна,
„Дай же ты мнѣ милостыньку,
„Ради молодца Добрыни Никитича“.
„Ахъ вы, шишъ калики перехожіи!
„Кабы былъ онъ Добрыня Никитинечь,
„Кабы былъ то онъ да во живностяхъ,
„На досугѣ бы вамъ каликамъ насмѣхатися,
„Мной старухой спотыкатися“.
Какъ не досугъ Добрынѣ много разговаривать,
Снималъ онъ шляпу со головушки.
„Ахъ ты, родитель, моя матушка!
„Я не шишъ калика перехожая,
„Я есть молодой Добрыня Никитинечь“.
„Ахъ ты, шишъ калика перехожая!
„У моего у Добрыни Никитича
„Есть на головушкѣ родимая знадебка“.
Какъ увидала старушка родну знадебку,
Какъ не вѣсть-то старушка взрадовалася,
Не знать старушка испугалася;

Побѣжала старушка къ воротамъ рѣшетчатымъ,
Какъ взимала свое-то чадо милое
За ручки за бѣлыи,
Цѣловала во уста во сахарніи.
Онъ говоритъ да таковы слова:
„Ахъ-ты родитель моя матушка,
„Что же ты меня встрѣчаешь,
„А не встрѣчаетъ молода жена,
„Настасья Никулишна".
Тутъ старушка говоритъ таковы слова:
„Твоя-то молода жена, любимая семья,
„Настасья Никулична,
„За мужъ пошла за молодца Олешеньку Поповича".
Не досугъ долго разговаривать Добрынѣ Никитичу,
Самъ говорилъ онъ таковы слова:
„Ай-же ты родитель моя матушка,
„Честна вдова Овфимья Александровна,
„Поди-ко ты во новую во горенку,
„Возми-ко мое платье скоморошное,
„Возми-ко гусельца яровчатыи,
„Возми мою дубинку подорожную,
„Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единаго".
Взимала старушка во правую рученьку
Платье скоморошное,
Подъ правую подъ пазушку
Гуселка яровчатыи,
Во лѣвую во рученьку брала дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единаго;
Принесла старушка Добрынѣ Никитичу.
Тутъ Добрынюшка одѣвался скорымъ наскоро,
Взималъ онъ гуселка яровчатыи,
Подъ правую подъ пазушку,
Взималъ онъ дубинку подорожную
Во лѣвую во рученьку;
Пошелъ онъ улками да переулками,
Идетъ онъ на почестенъ пиръ,

Идетъ Добрыня по улицамъ; увидали робятка
И стали говорить таковы слова:
„Идетъ тутъ не легка скоморошина,
„Идетъ тутъ Добрыня Никитинечь,
„Идетъ онъ Добрыня на почестенъ пиръ“.
„Ахъ вы ребятка, не говорите про Добрыню Никитича,
„Ужь я взадъ пойду, да вамъ калачь куплю“.
Пришелъ Добрыня во почестенъ пиръ
Во ты палаты княженецкіи,
Ужъ онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Ужъ онъ клонится на всѣ четыре стòроны,
Князю съ княгинею въ особину,
Честнымъ гостямъ любимымъ въ особину,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь стольно-Кіевскій,
„Дай-ко ты мнѣ мистечка немножечко,
„Дай-ты мнѣ мѣсто скоморошное“.
Потомъ говоритъ царь стольно-Кіевскій:
„Твое мѣсто скоморошное на зàпечьи“.
Эта лѐгка скоморошина—скакалъ онъ на зàпечью,
И садился на печку муравлину;
Струну натягиватъ отъ Царя-града,
А другую направлятъ отъ Іерусалима,
Онъ песни ведетъ съ за синя моря.
Да какъ тутъ князь стольно-Кіевскій разслушался,
Эты ему песни прилюбилися;
Игра ему да приглянулася.
„Ай-же ты, лѐгка скоморошина,
„Выходи-ко ты да изъ зàпечья,
„Не твое сидѣтъ мѣсто на зàпечьѣ,
„Я дамъ тебѣ три мѣстечка:
„Первое мѣсто подлѝ меня,
„Другое мѣсто супротивъ меня,
„А третьее мѣсто, гдѣ тѣ любо есть“.
Тутъ говоритъ лѐгка скоморошина:

„Дай-ко ты мистечка не множечко,
„Позволь своимъ гостямъ любимымъ по раздвинуться,
„Позволь мнѣ-ка сѣсть супротивъ князя, супротивъ княжини“.
Тутъ садился лѐгка скоморошина
На ту скамеечку дубовую.
„Ты позволь-ка, князь стольно-Кіевскій,
„Намъ съ княгиней да перелитися“.
Вѣсомъ чара полтора пуда,
Мѣрой чара полтора ведра,
Принималъ тутъ чару единòй рукой
И выпивалъ Добрыня единымъ вздохомъ;
И ту жь чару наливалъ онъ княгинѣ молодой,
Молодой Настасьѣ Микуличной;
Спускалъ онъ въ ту чару свой перстень вѣнчальный,
Съ которымъ они да обручалися;
Подавалъ онъ чару единòй рукой,
Молодой Добрыня Никитинечь,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, молода Настасья Микулична,
„Бери-ко чару единòй рукой,
„Выпивай-ко чару единымъ вздохомъ.
„Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидишь добра,
„Ужъ не пьешь до дна, такъ не видишь добра“.
Принимала чару единòй рукой,
Выпивала чару на единый вздохъ,
Увидала въ чарѣ свой перстень вѣнчальный
Своего мужа Добрыни Никитича,
Сама говоритъ таковы слова:
„Не тотъ мой мужъ, кой подли меня,
„А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня—
„Молодой Добрыня Никитинечь“.
Сама ставала на ножки на рѣзвыи,
Скакала чрезъ столы чрезъ дубовыи,
Черезъ тыи ѣсцы сахарніи,
Черезъ тыи питья медвяныи,

Брала за ручки за бѣлыи,
Цѣловала въ уста во сахарніи.
Тутъ Добрыня Никитинечь —
Его ли сердце разгорѣлося,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Не дивую я разуму женскому,
„А дивую я уму княженецкому,
„Какъ отъ жива-то мужа да жену увелъ".
Какъ взималъ тутъ Добрыня Никитинечь
Олешу Поповича
Взималъ онъ за желты кудри,
Бросилъ онъ его да о кирпичной полъ,
Пихнулъ его подъ ж... проклятаго
Съ того-то со стыда со великаго;
Онъ клянется Олеша, проклинается:
Не всякому женидьба удавается;
Удавалася женидьба тремъ молодцамъ,
Сильнымъ могучіимъ богатырямъ,
Первому богатырю Ставру Годиновичу,
А другому Ильѣ Муромцу,
А третьему Добрынѣ Никитьевичу.
Онѣ были три сестры,
Одна Настасья Микулична.

(Запис. А. Николаевскимъ въ приходѣ Кулгала, въ Филимоновой волости.)

2 [1]).

На славной на заставѣ на Московской
Стояло тамъ двѣнадцать богатырей.
Русскіи могучіи богатыри, полѣницы удалыи!
„Кого мы пошлемъ, богатыри, во землю во Тальянскую?"
Проговорятъ богатыри да таково слово:
„Если послать Святогора богатыря,—
„Не кому стоять на заставѣ на Московскоей.
„Послать намъ Добрынюшку Никитича

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера*, стр. 502.

„Во этую во землю во Тальянскую,
„Отъ короля да великаго,
„Великаго да отъ Литовскаго.
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка, ко этому подворью ко вдовиному
„И къ честномужнеей вдовы
„Афимьѣ Александровнѣ,
„Попроси-тко ты, Добрынюшка, прощеньица-благословеньица—
„И ѣхать во землю во Тальянскую"
Пріѣзжаетъ Добрынюшка къ честномужнеей вдовы,
Къ Офимьѣ Александровнѣ;
И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ да по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честномужней вдовы Офимьѣ Александровнѣ
Дѣлатъ онъ поклонъ да въ особину.
„Честномужняя вдова Офимья Александровна!
„Дай-ко ты мнѣ прощеньица, благословеньица
„Ѣхать во землю во Тальянскую,
„Надо намъ биться да ратиться,
„И стоять-то за Кіевъ за стольный градъ,
„И за свое-ли то родное отечество,
„И за вѣру-то да христіанскую".
И проговоритъ честномужняя вдова Офимья Александровна:
„Узналъ-то Солнышко Владиміръ князь о твоей-то о храбрости,
„Когда ростила вдова да вѣдь несчастная
„Тебя да и Добрынюшку Никитича;
„Хочетъ разлучить Солнышко Владиміръ князь
„И русскіи могучіи богатыри;
„Видно, не кого послать въ землю во Тальянскую.
„Я знала бы тебя да вѣдь Добрынюшку—
„Я силой спородила бы тебя въ Святогоря да богатыря,
„А смѣлостью спородила бы супротивъ
„Стара казака Ильи Муромца,

„Ильи Муромца, сына Ивановича;
„Грамоты бы тебя повыучила супротиво Олешеньки Поповича".
Заходитъ онъ, Добрынюшка, въ конюшню богатырскую,
Беретъ ли себѣ коня да богатырскаго;
Надѣваетъ на коня-то онъ уздицу тесмяную,
И кладываетъ на коня-то онъ исподнички,
И на исподнички кладываетъ онъ войлочки
И на войлочки-то сѣделышко,
Сѣделышко да черкасское;
И застегиваетъ подпруги въ этомъ сѣделышкѣ черкасскоемъ
двѣнадцатеры—
Не для-ради красы, ради крѣпости;
Завязываетъ связочки семи шелковъ—
Не для-ради красы, ради крѣпости.
И во этихъ стремянахъ булатныхъ
Были-то пряжечки серебряны,
И во пряжкахъ штылечки чиста золота;
И булатъ-то желѣзо не ржавлѣетъ,
Арабское золото не держится.
Осѣдлалъ-то Добрынюшка коня да богатырскаго.
И держитъ во умѣ, Добрыня, таково слово:
„Поѣхать-то надо мнѣ во землю во Тальянскую
„И надо тамъ мнѣ биться да ратиться,
„И стоять-то Добрынюшкѣ за стольный градъ за Кіевъ
„И за свое ли то родное отечество
„И за ту ли то за вѣру христіанскую,
„И повыбрать пошлину за двѣнадцать лѣтъ
„Отъ того-то короля да отъ Литовскаго".
Проговоритъ честномужняя жена Офимья Александровна
таково слово:
„Что же ты, Настасья Микулишна, не прощаешься
„Со своимъ-то мужемъ да законнымъ?
„И выбралъ его Солнышко Владиміръ князь,—
„Подписались русскіе могучіи богатыри
„И тыи полѣницы удалыи".
И стала Настасья Микулишна

[redacted]

На свои ль она да на рѣзвы ноги
И утупила свои очи ясны во калиновъ мостъ;
Идетъ-то по покоямъ бѣлодубувымъ,
И выходитъ на крыльцо-то на переное,
И опущается по лѣстницѣ паратноей
И на свой-то на широкій, на бѣлый дворъ;
Приходитъ-то къ Добрынѣ Никитичу
И говоритъ-то она да таково слово:
„Ай же ты, мой мужъ да законный,
„Поѣдешь ты въ землю во Тальянскую!“
Прощалась тутъ Настасья Микулишна
Со своимъ мужемъ законнымъ,
Съ Добрынюшкой Никитичемъ.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же ты, моя жена законная, Настасья Микулишна!
„И ждите меня въ три года
„Со той земли да съ Итальянскоей.
„И пройдетъ тому времени три года—
„И ждите вы меня тогда шесть годовъ;
И пройдетъ тому времени шесть годовъ —
И ждите меня вы тогда девять лѣтъ;
И пройдетъ тому времени девять лѣтъ,—
И ждите меня да вы двѣнадцать лѣтъ;
И пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ —
И тутъ ты, Настасья Микулишна,
Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи;
Только не ходи за смѣлаго Олешу Поповича
За того ль за дѣвочья насмѣшника
И за моего названнаго меньшаго браталка“.
Тутъ садился Добрынюшка на коня да богатырскаго,
Сталъ да понуживать плеточкой шелковоей
И помахивать сталъ палицей булатноей —
Палица булатная вѣсомъ сорока пудовъ.
И малыи рѣки конь богатырскій перемахивалъ,
Озера-то онъ да перескакивалъ;
Куды конь-то летитъ, туды ископыть столбомъ стоитъ.

И поѣхалъ онъ изъ землѝ въ землю,
Изъ орды въ орду;
И съѣхалъ-то Добрыня къ королю въ Литву.
И началъ дѣлать онъ дѣло мѐдленно:
И проходитъ тому времени три года—
И не видно Добрыни со чиста поля;
И проходитъ тому времени шесть годовъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходитъ тому времени девять лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля.
И застучалось на томъ ли крыльцѣ да на переноемъ,
У того ли кольца да золоченаго,
У той ли палаты богатырскоей.
И проговоритъ честномужняя жена Офимья Александровна
Сквозь свои слезы да горючіи:
„Какъ былъ бы Добрынюшка Никитичь,
„И не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ надъ вдовинымъ".
Отворила ворота да богатырскіи
Честномужняя жена Офимья Александровна,
И пришло три калѣки-перехожыихъ;
Лапотки на ножкахъ семи шелковъ,
Котомочки за плечами бархатны;
Крестъ-отъ кладутъ да по писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по ученому,
И на двѣ, и на три, и на четыре на сторонки покланяются,
Честной мужнеей женѣ Офимьѣ Александровной
Они дѣлаютъ поклонъ да особинный.
Одинъ-тотъ проговоритъ колѣка-перехожій:
„Честномужняя жена Офимья Александровна!
„Я и видѣлъ Добрыню во чистомъ полѣ
„Во той землѣ да во Тальянскоей,
„У того-ли то короля да у Литовскаго
„Твой Добрынюшка да въ услуженіи,

[redacted]

„Разъѣзжатъ Добрыня во чистомъ полѣ,
„Понуживаетъ коня плеточкой шелковоей,
„Понгрываетъ палицей булатноей".
Другой проговоритъ калѣка-перехожій:
„Я и видѣлъ Добрынюшку убитаго,
„Буйна головушка Добрынюшки разломана,
„Бѣлы грудюшки Добрынюшки распластаны,
„И конь богатырской—по колѣнъ въ крови,
„Растетъ-то на Добрынюшкѣ травонька шелковая,
„Цвѣтутъ-то вѣдь цвѣтики лазуревы".
Опечалилась честномужняя жена Офимья Александровна,—
И нѣтъ-то Добрынюшки во живности!
Третій проговоритъ калѣка-перехожій:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Идешь ли ты да во супружество
„За этого Олешу за Поповича,
„И за того ль да ты дѣвочья насмѣшника?"
И просватала сама себя Настасья Микулишна.
И поѣхали они со этой палаты богатырскоей,
Со этыма съ калѣками да перехожими.
Надо съѣхать имъ во землю во Смоленскую,
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
И середи-то ноченьки-то темныи
Застучалось у крыльца да у перепаго,
У кольца да золоченаго,
И проговоритъ честна-мужняя вдова Офимья Александровна
И сквозь свои слезы горючіи да вдовиныи:
„Какъ бы былъ мой Добрынюшка во живности,
„И не дошло бы насмѣяться надъ подворьицемъ,
„И надъ подворьицемъ да надъ вдовиныимъ!"
Отворила ворота богатырскіи
Той да палаты богатырскоей.
Приходитъ-то удалый добрый молодецъ незнакомый,—
Притомивши удалой добрый молодецъ;
И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ онъ по ученому,

И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честномужнеей вдовѣ Офимьѣ Александровнѣ
Дѣлаетъ поклонъ да онъ особливый.
Не узнала, видно, честномужняя вдова Офимья Александровна
Свово сына Добрынюшки Никитича.
Беретъ-то Добрынюшку за бѣлыи за рученьки,
За тыи ли за перстни за злаченыи,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи,
Выговариватъ она да таково слово:
„Ай же, ты, Добрынюшка Никитичь!
„Истомился ты удалый, добрый молодецъ,
„Во этой во дороженьки во широкой".
И спроситъ Добрыня таково слово:
„Честномужняя вдова Офимья Александровна!
„И гдѣ же моя законная жена Настасья Микулишна?"
Тутъ проговоритъ она да таково слово:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
„Просватала сама себя Настасья Микулишна
„За смѣлаго Олешу за Поповича,
„За того ли за дѣвочья насмѣшника,
„И за твоего за меньшаго за брàталка.
„Проходитъ тому времени три денька,
„Какъ уѣхала Настасья Микулишна
„Со этоей палаты богатырскоей".
Заходитъ тутъ Добрынюшка во свой кабинетъ да богатырскій
И беретъ-то три златницы, три серебряныхъ:
И кажда златница стоитъ сто рублевъ,
Оборачиватъ коня да богатырскаго
Отъ своей-то палаты богатырскоей,
Какъ во эту путь да во дороженьку;
Плеточкой коня онъ понуживатъ
И палицей булатной Добрынюшка поигрыватъ,
Палицей булатной богатырскоей.
И пріѣзжаетъ Добрынюшка во землю во Смоленскую
Ко этому двору да богатырскому;
И заперты ворота богатырскіи

На этотъ на широкъ, на бѣлый дворъ;
Поставлены сторожа да тутъ вѣрныи
У этого Олешеньки Поповича
Ко этымъ воротамъ да богатырскіимъ;
Не пропустятъ оны ни коннаго, ни пѣшаго
На широкъ на бѣлый дворъ
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича,
„Вы возьмите-ко съ меня—съ дѣтинушки да скомарешенька,
„По златницѣ вы, да по серебрянной—
„Каждая златница стоитъ сто рублевъ".
И взяли эты слуги вѣрныи съ дѣтинушки скомарешенька
Двѣ златницы, двѣ серебряныхъ;
Отворили ворота да богатырскіи,
Привязали коня да къ золоту кольцу
На этомъ дворѣ да богатырскоемъ;
И провели его дѣтинушку скомарешенька
Въ этую палату богатырскую
И ко этому столу да къ княженецкому.
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
И столу да княженецкому дѣлаетъ поклонъ да особенный;
И садился дѣтинушка скомарешенекъ
На этую на печку на земляночку,
Выигрыватъ наигрыши хорошіи,
Во этыи да во гуселышка;
И перво разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
Отъ Кіева до земли Сорочинской,
Отъ Сорочинской, до Тальянскоей,
Отъ Тальянской до Царя-града,
Отъ Царя-града до Іегосолима.
Показалися Настасьѣ Микулишнѣ
Наигрыши хорошіи.
Говорила тутъ она да таково слово:

„Ай же вы, слуги вѣрныи
„И подданны Олешиньки Поповича!
„Вы налейте-ко дѣтинушкѣ скомарешеньку
„Чару зелена вина
„Не малу, не большу—полтора ведра,
„Поднесите-тко дѣтинушкѣ скомарешеньку".
Выпилъ дѣтинушка скомарешенекъ
Чару зелена вина,
Не малу, не большу—полтора ведра,
Проговоритъ дѣтинушка таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Дай же ты мѣстичко сидѣть—
„Выигривать выигрыши хорошіи въ гусельника".
Тутъ проговоритъ Настасья Микулишна:
„Ай же ты, дѣтинушка скомарешенекъ!
„Дамъ я тебѣ три мѣстичка
„И три любимыихъ
„Выигривать во гусельника выигрыши хорошіи:
„Первое мѣсто — подлѣ себя,
„Другое мѣсто — напротивъ себя,
„Третье мѣсто — сидѣть на печкѣ на земляночкѣ".
И сѣлъ-то дѣтинушка скомарешенекъ
На этую на печьку на земляночку.
И первое разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
Отъ Ерусалима до земли Тальянской,
Отъ Тальянской до Сорочинской,
Отъ Сорочинской до Царя-града,
Отъ Царя-града онъ до Кіева.
Показались эти наигрыши
Настасьѣ Микулишнѣ хорошіи.
Проговоритъ дѣтинушка скомарешенекъ да таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича,
„И дайте-ко мнѣ графинъ во мои во бѣлы руки
„И стаканъ да во мои руки".
И налилъ дѣтинушка скомарешенекъ чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,

[redacted]

И спуститъ два перстня обручныихъ,
Одинъ перстень — Добрынюшки Никитича,
Другой перстень — Настасьи Микулишной,
Эти перстни обручальныи.
Поноситъ дѣтинушка чару зелена вина
И не малу, не большу—полтора ведра
Настасьѣ онъ да Микулишной,
Самъ проговорйтъ ей да таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Ты пей чару до дна, увидишь добра,
Не пьешь чару до дна — ты не видишь добра".
Она выпила чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,
И на днѣ — два перстня обручныихъ,
Одинъ перстень — Добрынюшки Никитича,
Другой перстень — Настасьи Микулишной.
Она выстала изъ-за этого стола да съ за окольнаго
На свои-то она на рѣзвы ноги,
Сама проговорйтъ да таково слово:
„И не тотъ мой мужъ, что̀ за столомъ сидитъ,
„А тотъ мой мужъ, что̀ осередь избы стоитъ".
Выходитъ изъ-за стола да княженецкаго
Беретъ-то дѣтинушку скомарешенька,
Добрынюшку Никитича
За эти за бѣлыи за рученьки,
За этыи за перстни за злаченыи,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи.
Выстал Олешинька Поповъ-то сынъ
И выстал на свои да на рѣзвы ноги:
„Ай же вы, мои гости званыи,
„Ай же вы, мои да гости браныи!
„И всякъ кто удалой добрый молодецъ поженится,
„И не всякому добру мо̀лодцу
„Женитьба удавается".
И только Олешинька Поповъ сынъ женатъ бывалъ.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

[redacted]

Дунай Ивановичь [1]).

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Заводился пированьице — почестень пиръ
На многихъ на князей — на бояръ;
На русскихъ могучихъ богатырей.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевской:
„Знаете-ли, русскіи могучіи богатыри,
„Княжну во супружество взять,
„Было бы съ кимъ вѣкъ коротать и съ кимъ княжество держать?“
И проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ты Солнышко Владиміръ князь!
„Есть у короля храбра три дочери:
„Первая дочь Опракса королевична,
„Вторая дочь—Настасья королевична,
„Третья дочь—невдорость“.
Скажетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
„Посватай-ко Опраксу королевичну
„За Солнышка князя за Владиміра.
Испроговорилъ Добрыня таково слово:
„Не честь молодцу ѣхать русскому богатырю единому,
„Другаго надо русскаго змогучаго богатыря!“
„Выбирай себѣ, Добрынюшко, по разуму“.
„Поѣдемъ-ко Дунай, сынъ Ивановичь!“
И сѣли на коней да богатырскіихъ;
Куды ископыть летитъ,
Туды дымъ столбомъ стаетъ.
Видѣли богатыревъ посядучись.
И скакали кони съ горы на гору,

---

[1]) Единственный пересказъ, въ которомъ соединяются оба эпическіе эпизода, связанные съ именемъ Дуная—женидьба Владиміра и смерть Настасьи королевичны.

[redacted]

Перемахивали съ холмы на холмы,
И ѣхали оны изъ земли въ землю,
Изъ орды въ орду.
И пріѣхали оны къ королю въ Литву,
Пріѣхали оны на королевскій дворъ:
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановичь,
„Лошадей да богатырскіихъ
„Отъ этыихъ Татаръ да отъ поганыихъ".
Зашелъ Добрыня въ покои королевскіи
И дѣлалъ поклоны королю въ особину,
И утупилъ-то очи ясны во калиновъ мостъ.
И проговоритъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по прежнему,
„И пріѣхалъ къ королю въ Литву во служеніе?"
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Пріѣхалъ я, король земли Литовской,
„Посватать у тебя Опраксы королевичны,
„За Солнышка князя за Владиміра".
Проговоритъ король земли Литовской:
„Садись-ко ты, Добрынюшка, съ дороженьки на широкъ стулъ и подтдохни".
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Недосугъ послу сидѣть да разсиживать;
„За то посла скоро жалуютъ!"
Приходитъ Татаринъ въ покои королевскіи
И проговоритъ королю да таково слово:
„У тебя на дворѣ Татаръ да мало ставится, проѣдается".
И проговорилъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрыня Никитичь!
„Не одинъ же ты пріѣхалъ къ королю храбру Литовскому!
„Уйми-тко ты русскаго могучаго богатыря,
„Чтобы не рубилъ моихъ Татаръ поганыихъ".
Проговоритъ король земли Литовской таково слово:
„Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву, Добрынюшко!

И проговоритъ Настасья Королевична:
„И не стрѣляй-ко ты, Дунай сынъ Ивановичь,
„И стрѣлочки да каленой
„Изъ этого изъ луку да изъ тугаго;
„И не попасть тебѣ въ кольце да во серебряно,
„И не попасть тебѣ во ножичекъ булатней,
„И не разрубить тебѣ стрѣлочки калёной“.
И наладился Дунай сынъ Ивановичь
И стрѣлять-то стрѣлочкой каленою
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
Онъ первый разъ стрѣлилъ, да не дострѣлилъ;
Онъ во второй разъ стрѣлилъ, да перестрѣлилъ;
И проговоритъ Настасья Королевна:
„Не стрѣляй-ко ты, Дунай сынъ Ивановичь,
„Попадешь-де ты въ мои да во бѣлы груди.
„И я тебѣ спорожу сына единаго,
„И по колѣна-то ножки въ серебрѣ,
„И по локоточки да ручки въ золотѣ;
„Брови спорожу—ясна сокола
„И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,
„И на головы да мѣсяцъ свѣтлый“.
Онъ стрѣлилъ да Дунай сынъ Ивановичь
Стрѣлочку да каленую;
Попала та Настасьѣ Королевичнѣ
И во эти да во бѣлы груди;
И пала Настасья Королевична о сыру землю.
И прослезился Дунай сынъ Ивановичь.
Распотрошилъ онъ чрево дѣвичье,
И засѣянъ младенецъ, какъ выговаривала.
И проговорилъ Дунай да сынъ Ивановичь:
„И куды легла Настасья Королевична,
„И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичь“.
И отъ Настасьи Королевичной
И отъ сына Дунай сына Ивановича
И прошла тутъ Дунай рѣка.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василія Щеголенкова).

Василій Буслаевичь (Дунай Ивановичь).

Жилъ былъ молодецъ единешенекъ,
Былъ-то онъ охочъ гулять, загуливать,
Долгіи вечеры прохаживать,
Осенніи поченьки проѣзживать,
По зеленымъ по затресьямъ погуливать,
Стрѣлять онъ сѣроплавныхъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ селезневъ.
Женилъ добра молодца батюшко неволею,
И неволею да неохотою.
Приданаго много—человѣкъ-отъ худой!
Куды пошлешь—оттуль жены не дождешься,
И дождешься—да не доспросишься,
И отвѣтъ-отъ подастъ.
И тутъ молодецъ пораздумался:
И какъ мни-ка будетъ жить, поживать!
Дунай! Дунай! На столъ сбирай!
Любимая пѣсня—ѣсть хочется!
Вечоръ ли я, добринькой молодецъ, не ужиналъ,
Утромъ всталъ—не позавтракалъ,
Схватился обѣдать—хлѣба нѣтъ.
Пошелъ молодецъ со своей земли,
Пошелъ молодецъ изъ орды въ орду.
Пришелъ молодецъ къ королю въ Литву.
Приходитъ молодецъ въ покои королевскіи
И спроситъ король земли Литовской;
Спроситъ король: „Какой молодецъ?“
Отвѣтъ держалъ удалый добрый молодецъ:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Есть я Василій де Буслаевичъ.
„Возьми-тко ты меня, король земли Литовской, въ услуженіе“.
Отвѣтъ держалъ король земли Литовской:
„Возьму тебя, удалый добрый молодецъ,
„Василій да Буслаевичь!

„Вы возьмите съ меня денежекъ по сту рублевъ
„И ведите меня мимо королевнинъ домъ,
„Послѣднее мнѣ съ нею проститися,
„Послѣдне съ ней да разставатися".
Привели-то слуги вѣрныи короля Литовскаго
Противъ терема да королевнина,
Крыкнулъ-то Василій Буслаевичъ громкимъ голосомъ:
„Прощай-ко ты, дочь да королевская!
„Зашелъ я, Василій Буслаевичь, на царевъ кабакъ
„И выпилъ я чару зелена вина,
„Другую выпилъ я да похмѣльную,
„Я похвасталъ тобой да красной дѣвушкой.
„Услыхали тутъ слуги вѣрныи
„Короля да Литовскаго,
„Захватили-то меня добра молодца
„Василья да Буслаевича
„И сковали-то мнѣ да ножки рѣзвыи,
„И связали да мнѣ ручки бѣлыи,
„И завѣсили мнѣ очи ясныи,
„И поводятъ на поле на чистое,
„Къ той ли ко плахѣ дубовоей
„Отрубить да буйну голову,
„Придать да смерть напрасную
„Вынять сердце мнѣ со печенью".
Говорила дочь королевская:
„Ай вы слуги вѣрныи
„Короля Литовскаго!
„Вы раскуйте ему да ножки рѣзвыи,
„Развяжите ему да ручки бѣлыи
„И откройте ему очи ясныи;
„И спустите Василья Буслаевича
„На волюшку его да на вольную".
Взяла эта дочь-то королевская
Удалаго добраго молодца,
Василья да Буслаевича,
Во этыи во терема высокіи,

[redacted]

„Вы возьмите съ меня денежекъ по сту рублевъ
„И ведите меня мимо королевинъ домъ,
„Послѣднее мнѣ съ нею проститися,
„Послѣдне съ ней да разставатися“.
Привели-то слуги вѣрныи короля Литовскаго
Противъ терема да королевина,
Крыкнулъ-то Василій Буслаевичъ громкимъ голосомъ:
„Прощай-ко ты, дочь да королевская!
„Зашелъ я, Василій Буслаевичь, на царевъ кабакъ
„И выпилъ я чару зелена вина,
„Другую выпилъ я да похмѣльную,
„Я похвасталъ тобой да красной дѣвушкой.
„Услыхали тутъ слуги вѣрныи
„Короля да Литовскаго,
„Захватили-то меня добра молодца
„Василья да Буслаевича
„И сковали-то мнѣ да ножки рѣзвыи,
„И связали да мнѣ ручки бѣлыи,
„И завѣсили мнѣ очи ясныи,
„И поводятъ на поле на чистое,
„Къ той ли ко плахѣ дубовоей
„Отрубить да буйну голову,
„Придать да смерть напрасную
„Вынять сердце мнѣ со печенью“.
Говорила дочь королевская:
„Ай вы слуги вѣрныи
„Короля Литовскаго!
„Вы раскуйте ему да ножки рѣзвыи,
„Развяжите ему да ручки бѣлыи
„И откройте ему очи ясныи;
„И спустите Василья Буслаевича
„На волюшку его да на вольную“.
Взяла эта дочь-то королевская
Удалаго добраго молодца,
Василья да Буслаевича,
Во этыи во терема высокіи,

И сама на словахъ ему да выговариватъ:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичь,
„Удалый ты да добрый молодецъ!
„Не зайди-тко ты больше на церевъ кабакъ,
„И не выпей-ко ты больше чару зелена вина,
„И не выпей-ко другой похмѣльноей,
„И не похвастай мной красной дѣвушкой".
Прощалась эта дочь да королевская
И съ удалымъ добрымъ молодцемъ
Съ Васильемъ да Буслаевичемъ;
И со этыхъ со теремовъ высокіихъ,
Пошелъ-то удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичь
Отъ короля съ орды да отъ Литовскаго.
И пришло да тутъ ему три розстани,
Пришло да три любимыихъ:
Первая розстань — къ отцу, къ матери,
Другая розстань — къ роду-племени,
Третья розстань — къ молодой жены.
Пораздумался удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичь:
Пойдти-то мнѣ, Василью да Буслаевичу,
Къ отцу, къ матери,
Отца, матери въ живыхъ не застать;
Пойдти-то мнѣ, добру молодцу, къ роду-племени,
Роду-племени меня да не спознать;
Пойду-то я, Василій Буслаевичь,
И къ молодой да ко своей жены.
Пошелъ-то удалый добрый молодецъ
Изъ земли въ землю, отъ короля съ Литвы,
И пошелъ-то онъ да въ свою сторону
И пришелъ-то къ палаты бѣлокаменной,
И на улицѣ два юнчика похаживаютъ,
И спроситъ Василій Буслаевичь
У этыхъ у юнчиковъ у маленькихъ:
„Чьи же вы, юнчики маленькіи?"

„Ай же ты, нашъ родной дядюшка!
„И нѣтъ-то у насъ да родна батюшка,
„И есть у насъ да одна матушка".
Спроситъ этотъ удалый добрый молодецъ:
„Гдѣ же вашъ да родной батюшка?"
Отвѣчали эти юнчики маленькіи:
„Ушелъ-то нашъ родной батюшка
„Къ королю въ Литву да въ услуженіе".
„Ай вы, юнчики маленькіи!
„Скажите, подите родной матушкѣ:
„И пришелъ-то вашъ родной батюшка,
„И стоитъ-то на улицѣ на широкой,
„У той ли у площадки у переноей".
Она стала тутъ да молода жена,
На ножки она стала да на різвыи,
Утупила очи ясныя въ калиновъ мостъ,
Выходитъ на крыльцо да на переное,
Опущалась по ступенямъ да по крутымъ
На эту ли на улицу на широку,
И говорила она да таково слово:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
„Василій да Буслаевичь!
„И находился ты, да нагулялся ты,
„И пришелъ назадъ къ молодой женѣ несчастноей".
И беретъ-то эта молода жена несчастная,
За этыи за рученьки за бѣлыи,
За этыи за перстни за злаченыи;
Цѣлуетъ во уста до во сахарныи,
Проводитъ въ терема да во высокіи;
И стали они тутъ да жить-поживать,
Добра наживать,
А лихо избывать.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова.)

Ставеръ Годиновичь.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
У Владиміра, у князя, у Солнышка,
Заводился у него почестенъ пиръ,
На многихъ на князей, на бояръ,
И на русскіихъ могучихъ богатырей.
На всѣхъ полѣницъ на удалыихъ, —
И всѣ на пиру и сыты, и пьяны, и веселы.
Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Похвастыватъ самъ городомъ Кіевомъ,
Богатыри похвастывали силою
Силою своею богатырскою.
Гости, купцы тутъ торговыи
Похвастали они тутъ товарами,
Тыма ли товарами заморскима
И соболемъ заморскіимъ,
Куницами заморскима.
Добрынюшка похвасталъ своимъ добрымъ конемъ,
Олешинька, Поповъ сынъ, похвасталъ
Своей да золотой казной,—
Есть у молодца да золотой казны безчетноей;
А умный хвастатъ — отцемъ, матерью,
А не умный хвастатъ молодой женой.
Проговорятъ богатыри такого слово:
„Ты, не умный удалый добрый молодецъ!
„Ты не хвастай своей да молодой женой“.
И вси богатыри его да обезчестили.
И крестьяна-мужички были пособраны, —
Богатыи крестьяна похвастываютъ
Своима-ли то добрыма конюшками,
А не богаты-то крестьяна — малымъ дѣтушками.
И сидитъ-то младъ Ставеръ сынъ Годиновичь
И сидитъ-то онъ, ничѣмъ не хвастаетъ.

[redacted]

Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
„Что же ты сидишь ничѣмъ не хвастаешь?
„Вси-то людишки похвастались“.
И проговоритъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
„Есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,
„Есть у Ставра тридцать молодцовъ, портныхъ мастеровъ,
„Шьютъ-то они кафтанцы снова на ново,—
„Которой кафтанчикъ я день держу и другой проношу,
„И снесу эты кафтанцы на рыночекъ
„Князьямъ, боярамъ — новы продамъ,
„Возьму за нихъ цѣну полную.
„Есть еще Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій
„У Ставра да чѣмъ похвастати:
„Есть тридцать молодцовъ, чоботныхъ мастеровъ,
„Оны шьютъ-то сапожки снова на ново,—
„Которы сапожки я день держу и другой проношу,
„И снесу эты сапожки на рыночекъ,
„Князьямъ, боярамъ — новы продамъ,
„Возьму-то за нихъ цѣну полную.
И проговоритъ Ставеръ да таково слово:
„Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій!
„Еще есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,
„Есть у Ставра добры молодцы на дворѣ—да не старятся“.
Спроситъ Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
„Отчего же у тебя добры молодцы не старятся?“
Проговоритъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
„Оттого-то у меня, добры молодцы, не старятся:
„День-то придетъ — молодецъ со двора долой,
„А два да три — на дворъ домой.
„Еще есть чѣмъ у Ставра да похвастати,
„Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„Золота казна да не держится,
„Малыи денежки да не торщатся“.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь:
„Ай же ты, Ставеръ да Годиновичь!
„Отчего же у тебя золота казна да не торщится,

„Малы денежки не держатся?“
„Оттого-то у меня золота казна не торщится,
„И малы денежки не держатся;
„Была кобылица златылица,
„И дано за кобылицу пятьсотъ рублевъ,
„И носитъ жеребчиковъ хорошенькихъ,—
„Которы жеребчики получше,
„На тыхъ-то жеребчикахъ я самъ ѣзжу;
„Которы жеребчики похуже,
„И сгоню этыхъ жеребчиковъ на рыночекъ,
„Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
„И возьму-то за нихъ цѣну полную“.
Еще проговоритъ младъ Ставеръ сынъ Годиновичь:
„Ты, Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„Еще есть у Ставра да чѣмъ похвастати.
„Молода жена Настасья Микулишна
„Князей-то бояръ съ ума сведетъ,
„Владиміра вонъ повыведетъ
„Изъ покоя княженецкаго“.
И эти слова Солнышку князю Владиміру да не казалися.
Приказалъ-то Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій
Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
„Ай же вы, мои слуги вѣрны!
„Вы возмите-тко Ставра да Годиновича
„За его за хвастанья за великіи
„Засадить его въ погребы великіи“.
Шли тутъ слуги его вѣрны
Во это во поле во широкое,
Копали да ему великую,
Засадили туда Ставра да Годиновича,
Засадили его да по бѣлымъ грудямъ
Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.
Написалъ-то Ставеръ сынъ Годиновичь скорописчату граматку
Къ молодой жены Настасьи Микулишной:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Засаженъ-то твой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичь

„У Солнышка князя Владиміра стольно-Кіевскаго
„Во этыи во погребы глубокіи
„Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.
Взяла Настасья Микулишна
Обрубила волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Кіеву,
Пріѣхала ко Сольнышку князю ко Владиміру на княжій дворъ;
Заходитъ она въ покои княженецкіи;
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На двѣ, на три, на четыре сторонки покланяется, —
И солнышку Князю Владиміру
Она дѣлаетъ поклонъ да въ особину.
Проговоритъ Солнышку князю Владиміру:
„Посолъ земли Турецкой!“
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь:
„Садись-ко ты съ дороженьки на дубовой стулъ да поотдохни“.
И проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Недосугъ сидѣть послу разсиживать,
„За то посла скоро жалуютъ.
„Есть у тя племянница любимая
„У Солнышка князя у Владиміра;
„Отдай-ко ты да во супружество
„За этого посла да за Турецкаго“.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій
„Мы подумаемъ да думу крѣпкую,
„Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ —
„Могу отдать, посолъ земли Турецкой,
„За тебя да во супружество“.
Проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„Ты выпусти невольниковъ изъ погребовъ великіихъ
„По своему да слову княженецкому“.
Приходитъ Ставеръ да сынъ Годиновичь
Ко послу да ко Турецкому;
Беретъ-то за рученьки за бѣлыи

Ставра сына Годинова,
За эты и за перстни за злачены
Цѣлуетъ во уста да во сахарны
И этого Ставра да Гадиновича.
Благодаритъ-то посолъ земли Турецкой,
Пишетъ Солнышку Владиміру стольно-Кіевскому
Эпистолію: „Благодарю тебя, Солнышко Владиміръ князь,
„Выпустилъ невольниковъ изъ погребовъ глубокіихъ;
„Не надо мнѣ племянницы любимоей,
„А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичь,
„Тотъ мой мужъ законный".

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова.)

Дюкъ Степановичь [1]).

Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатыя
Снаряжается, убирается
Молодой бояринъ боярскій сынъ,
Дюкъ Степановичь;
„Свѣтъ государыня матушка,
„Дай-ко ты прощенье и благословеньице
„Ѣхать ко городу Кіеву,
„Ко ласкову князю ко Владиміру;
„Скажутъ—Кіевъ-градъ на горы стоитъ,
„А Владиміръ князь ласковъ есть,
„На пріѣзди добрыхъ молодцевъ чествуетъ,
„А на поезди даритъ несчетной золотой казной".
И поѣхалъ послѣ заутрини Христовскія,
А пріѣзжаетъ ко обидни ко Христовскія
Въ Кіевъ-градъ, на широкъ дворъ,
И привязыватъ своево добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 599 - 601 и 615.

И приходитъ во Божью церковь,
Онъ крёстъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.
Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владиміру въ собину:
„Здравствуй, Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!“
„Ты отколь, удалъ дородней, добрый молодецъ,
„Тебя какъ именёмъ зовутъ,
„И какъ величаютъ по отечеству?“
„Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
„Изъ тоя Корелы изъ богатыя
„Молодой бояринъ боярской сынъ
„Дюкъ Степановичь“.
„Пожалуй-ко, молодой бояринъ,
„Боярской сынъ
„Дюкъ Степановичь,
„Ко мнѣ хлѣба-соли покушати“.
Приходитъ во гридню-палату бѣлокаменну,
Онъ крёстъ-то кладе по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому.
Онъ кланяется, поклоняется
На всѣ на четыре-то стороны;
„Здравствуй, княгиня Апраксія!“
„Ты поди-ко, удалъ, дородній добрый молодецъ,
„Ты коей земли, коей орды?
„Какъ тебя именёмъ зовутъ,
„Какъ величаютъ по отечеству?“
„Я есть изъ Волынца-города изъ Галича,
„Изъ тоя Корелы изъ богатыя
„Молодой бояринъ боярской сынъ,
„Дюкъ Степановичь“.
„Садись-ко ты, Дюкъ Степановичь,
„Хлѣба-соли кушати“.
Всѣ сели князи и бояри
Хлѣба-соли кушати,

И взялъ молодой боярпнъ
Дюкъ Степановичь
Колачикъ крупичатой,
И увидалъ молодой боярпнъ
Боярской сынъ
Дюкъ Степановичь
Подъ колачикомъ сосновую пголочьку.
„Здѣсь-то", говоритъ, „видно помелча сосновыи,
„А какъ у моёй-то̀ родители-матушки
„Помялча-то шелковыи".
И говоритъ тутъ Олеша Поповичь
„Этоё, дядюшка, дѣтинище-обманище
У боярина уѣхалъ,
Коня угналъ".
И говоритъ тутъ Чурила Щапоплёнковичь:
„Что ты пріѣхалъ, дѣтинище-обманище,
„Своимъ животомъ хвастаешь,
„Да своей родитель-матушкой,—
„Ударимъ со мной о великъ закладъ
„На три года:
„Чтобы въ каждый день носить платья переменныи".
И ударили они о великъ закладъ
Въ каждой день носить платья переменныи,
Щеголять во Кіевѣ во городѣ;
И по Чурилы Щапоплёнковѣ
Ручается весь Кіевъ-градъ,
А по Дюкѣ Степановичѣ
Нехто̀ не ручается,
Только ручается
Старо̀й казакъ, Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня Никитинецъ.
И посылаетъ молодой князь
Владиміръ стольно-Кіевской
Дюкова имѣнья описывать,
И посылатъ Добрыню Микитинца:
„Поѣзжай, Добрыня Микитинецъ,

„И опиши имѣніе Дюкова,
„И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
„Платьи переменныи, на три года,
„Каждой день перемѣнять“.
И поѣзжать Добрыня Никитинецъ
Ко Волынцу городу Галичу,
Ко той Корелы да богатыя.
И пріѣзжать Добрыня
Ко Дюку ко Степанову
На широкъ дворъ,
И привязывать своево коня доброва
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
Встрѣтилась ему
Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Да нѣтъ“, говоритъ,
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова портомойница“.
Опять встрѣчается ему
Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Микитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница“;
Еще подходитъ Добрыня Микитинецъ,
Встрѣчается ему Дюкова стольница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова стольница“.
И приходитъ Добрыня Микитинецъ
Во гридни столовыи,
Онъ крёстъ-то кладё по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому,

Кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны:
„Здравствуй-ко, Дюкова матушка!“
„Ты поди-ко, удалъ да дородній доброй молодецъ,
„Ты откуль ѣдешь,
„Откуль путь держишь?“
„Я отъ города отъ Кіева,
„Отъ ласкова князя отъ Владиміра;
„Твой-то молодой Дюкъ Степановичь
„Ударилъ о великъ закладъ
„Съ Чурилой Щапоплёнковымъ—
„На три года въ каждой день
„Носить платья перемѣнныи,
„И захвастался онъ своимъ богачествомъ несчетнымъ;
„И приказалъ мнѣ князь
„Владиміръ стольно-Кіевской
„Описать ваше имѣніе“.
И говоритъ тутъ Дюкова матушка:
„Ай вы, вѣрныи мои служаночьки,
„Возмите-тко коромыселко желѣзное
„И положите-тко на коромыселко
„Золоты ключи,
„И ведите-тко Добрыню Микитинца
„Во погребы глубокіи,
„Покажите Дюково имѣніе“.
И прошелъ Добрыня Микитинецъ
По погребамъ глубокіимъ,
И написалъ онъ
Три строчьки злаченыихъ:
„Три года жить —
„Имѣнія описывать,
„Да не описать Дюкова имѣнія“.
И приказалъ Дюковой матушки
Вести Дюку платья переменныи
Ко Кіеву ко городу,
И привезли платья переменныи

Во Кіевъ градъ,
И стали щеголять
Съ Чурилой Щапоплёнковымъ
И въ каждый день
Все платья лучше
У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платья Христовскія —
Идти ко заутрени Христовскія,
И отходятъ они отъ заутрени Христовскія,
И глядитъ Князь Владиміръ стольно-Кіевской
На платья на Чурилины,
И говоритъ Владиміръ князь:
„Ну, Чурила Щапопленковичь,
„Платья были у Дюка Степанова
„Лучше твоихъ,
„А топерь, якъ ты перещеголялъ
„Дюка Степанова,—
„Платья твои лучше Дюки Степанова".
И поглядитъ на платья на Дюковы,
И говоритъ Владиміръ стольно-Кіевской....
И повелъ Дюкъ Степановичь
По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,
На пуговкахъ были написаны змѣи лютыи,
И засвистали змѣи лютыи
На тѣхъ пуговкахъ злаченыхъ,
И говоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевской:
„Нечево бы тебѣ, Чурила Щапопленковичь,
„Соваться и бить съ Дюкомъ о великъ закладъ,
„Въ каждой день тебя
„Дюкъ Степановичь перещеголивалъ".
Это Чурилы пришло не по сердцу,
И говоритъ Чурила Щапоплёнковичь:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
„Перескочить на коняхъ на добрыихъ
„Черезъ Днѣпру черезъ широкую,

„О своихъ головахъ-то о буйныхъ:
„Которой перескочитъ,
„Тотъ удалъ дородней доброй молодецъ,
„А кто не перескочитъ,
„Отсѣчь тому буйная голова;
„Будетъ ходить по бѣлу свѣту, шататися
„И хвастаться своей удачей молодецкою".
И поѣхалъ Дюкъ Степановичь
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
На своёмъ на кони доброемъ,
И перескочилъ его конь доброй
Черезъ Днѣпру черезъ широкую.
И поѣхалъ вслѣдъ Чурила Щапопленковичь,
Упогрузъ его конь доброй
Осередь Днѣпры широкія,
Съ Чурилой Щапопленковымъ.
И видитъ Дюкъ Степановичь,
Что потонетъ Чурила Щапопленковичь
Осередь Днѣпры широкія,
И скочилъ Дюкъ Степановичь
Назадъ черезъ Днѣпру черезъ широкую
И вытащилъ Чурилу со добрымъ конемъ.
И говоритъ Дюкъ Степановичъ:
„Теперь надо отсечь тебѣ
„Буйна голова".
И стали Дюка опрашивать всѣмъ Кіевомъ.
„Ну пусть ты, Чурила Щапопленковичь,
„Упрошенъ всѣмъ Кіевомъ,
„Я тебѣ по бѣлу свѣту
„Второй батюшко".

(Записано со словъ Судожскаго уѣзда, Кугонаволоцкой волости, прихода Водлозерско-Пречистенскаго, деревни Большой Поги 75-лѣтняго крестьянина Ивана Григорьева Захарова, священникомъ Іоанномъ Первеицевымъ).

Объ Иванѣ Грозномъ.

Когда грозный царь Иванъ Васильевичь
Воцарился, тогда солнышко на небѣ возсіяло;
Тогда рыбы всѣ на глубь ушли;
Тогда звѣри сбѣжали въ лѣса темныи,
И мы сидѣли да ѣли по конецъ польца̀,
И ѣли да пили по конецъ стольца̀,
И снарядилъ ли то грозный князь Иванъ Васильевичь,
И снарядилъ ли то войско подъ Казань-городъ.
И стояло войско подъ Казань-городо̀мъ,
И не много не мало—семь годовъ.
И проговорилъ пучка̀рь таково слово:
„Ты, грозный царь Иванъ Васильевичь!
„Позволь слово сказать да слово вымолвить;
„И подкопать бы намъ подкопы глубокіи,
„Подъ эты стѣны городовыи;
„И начинить бы намъ бочки зельемъ лютымъ;
„И мы не зеліемъ чинили—черпымъ порохомъ;
„И зажгать бы намъ свѣчи восково̀выя
„Во эты руки во бѣлыи,
„За эты за стѣны за дубовыи".
Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горятъ,
А за стѣнами свѣщи — оны не ясно горятъ;
И проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичь:
„Ай же ты, пучкарь, да обманываешь".
И проговорилъ пучкарь да таково̀ слово:
„Ай же ты, грозный царь Иванъ Васильевичь,
„Во рукахъ то свѣщи да оны ясно горятъ,
„А за стѣнами свѣщи — оны не ясно горятъ".
И не успѣлъ пучкарь слова вымолвить,
И треснули башни треугольніи,
Разорвало стѣны городовыи,
Зашло войско во Казань-то горо̀дъ.
Повынесли знамена со Казань города̀,

Повынесли парфиду-то царьскую
Съ за этого стола за окольнаго.
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичь
По свѣтлой ко свѣтлицѣ похаживаетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Самъ говоритъ таково́ слово:
„Ай вы, русскіи могучіи богатыри,
„Ай же поленицы удалыи!
„Я повыведу измѣну съ каменной Москвы,
„И повыведу измѣну со Нова-города,
„И повыведу измѣну со Обскова и со Астрахани;
„И повынесъ я знамена со Казань города,
„И повынесъ я порфиду да царьскую
„Съ за этого стола да съ за окольнаго".
Тутъ проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичь таково слово:
„Садись-ко ты, Ѳедоръ Ивановичь,
„На этого коня богатырскаго,
„Поѣзжай-ко къ каменной Москвѣ ко великоей,
„Старыхъ и малыхъ конемъ топчи,
„Русскихъ могучихъ богатырей саблѣй руби,—
„Не дѣлай измѣны въ каменной Москвѣ".
И поѣхалъ Ѳедоръ Ивановичь
И той Москвой до великоей;
Старыхъ и малыхъ конемъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ богатырей саблѣй не рубилъ, —
Онъ дѣлалъ измѣну въ каменной Москвѣ.
И пріѣзжаетъ Ѳедоръ Ивановичь
Ко тому ли двору да ко царьскому,
Ко тому ли столу да ко княженецкому;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
И на двѣ, на три, четыре, на стороны покланяется,
Грозному царю Ивану Васильевичу
Дѣлатъ онъ поклонъ да въ особину.
Тутъ станетъ грозенъ царь Иванъ Васильевичь

На свои да на рѣзвы ноги
И самъ говорилъ таково слово:
„Вы, русскіи могучіи богатыри,
„Поленицы да удалыи!
„Я повывелъ измѣну съ каменной Москвы,
„И повывелъ измѣну съ Нова-города,
„И повывелъ измѣну со Обскова,
„И повывелъ измѣну со Астрахани,
„И повынесъ знамена со Казань города,
„И повынесъ порфиду-то царьскую
„Съ за этого стола съ заокольнаго".
И вси молчатъ русскіи могучіи богатыри,
И проговорятъ таково слово:
„Грозный царь Иванъ Васильевичь!
„Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
„И твоя-то измѣна на тебя глядитъ".
Сталъ-то грозный царь Иванъ Васильевичь
На свои да на рѣзвы ноги,
Крыкнулъ онъ да во всю голову:
„Ай же ты, Малютченко Потапюшка Курлатовъ сынъ!
„Ставай-ко ты на поженьки на рѣзвыи,
„Бери-тко ты Ѳедора Ивановича
„За этыи за рученьки за бѣлыи,
„За этыи за перстни злаченыи,
„И веди его на поле на чистое
„На ту ли то на плаху на дубовую,
„Отруби-ты ему буйну голову,
„И придать смерть ему напрасная,
„Вынять сердце со печенью".
Меньшой тулится за середняго,
А середній тулится за большаго;
Говоритъ Потапюшка Курлатовъ сынъ:
„И видно мнѣ да ко судьбы пришло"
И беретъ-то онъ Ѳедора Ивановича
За этыи за рученьки за бѣлыи,
За этыи за перстни злаченыи,

И поводитъ на поле на чистое,
На ту ли то на плаху дубовую,
И отрубить-то ему буйна голова,
И придать ему смерть напрасную,
Вынять сердце со печенью.
Взяла Настасья Романовна,
Надѣвала башмачьки на босу ногу,
Шубоньку соболину на одно плечо
И бѣжала къ стару казаку Никитѣ Романовичу;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Стару казаку Никитѣ Романовичу
Дѣлаетъ поклонъ въ особину.
„Что же ты, старый казакъ, Никита Романовичь,
„Ѣшь, да пьешь—проклаждаешься,
„И надъ нами ты невзгодушки не вѣдаешь;
„И нѣтъ у насъ сына любимаго Ѳедора Ивановича
„И твоего крестника любимаго Ѳедора Ивановича;
И взялъ-то Малютченко Потапюшка, Курлатовъ сынъ,
„За эты за рученьки за бѣлыи,
„За эты за перстни злачеными;
„Увелъ его на поле на чистое,
„На ту ли то на плаху на дубовую,
„И отрубилъ-то ему буйну голову
„И придалъ смерть напрасную,
„Вынялъ сердце со печенью“.
„Ай ты, Настасья Романовна!
„И долго, долго не пекало солнышко—двѣнадцать лѣтъ,
„И не бывала у стара казака Никиты Романовича“.
Станетъ старый казакъ Никита Романовичь,
Станетъ на свои да на рѣзвы ноги
И надѣваетъ босовичьки на босу ногу,
Сертукъ кладываетъ на одно плечо,
Колпакъ кидалъ на одно ухо,
Садился на коня богатырскаго,

[redacted]

Крыкнулъ онъ да во всю голову:
„Народъ, сторонитесь! Народъ, сторонитесь!
„Старыхъ и малыхъ конемъ стопчу,
„И русскихъ могучихъ богатырей саблѐй срублю!“
И народъ сторонился, далъ улицу по Москвы по великой,
Далъ улицу широку и продолговату;
И выѣхалъ на поле на чистое
Старый казакъ Никита Романовичь
И крыкнулъ во всю голову:
„Ай же ты, Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„И съѣшь ты кусь этотъ—подавишься,
„И выпьешь эту чару—ты захлѣбнешься“.
И пріѣхалъ старой казакъ Никита Романовичь
Ко этой ко плахѣ дубовоей,
И захватилъ-то Ѳедора Ивановича въ живности;
Выходитъ со коня да богатырскаго,
Захватилъ-то Малютченку Потанюшку за волосы
И бросилъ его о сыру землю,
О ту ли то плаху дубовую,
И придалъ смерть ему напрасную,
И вынулъ сердце со печенью.
Сегодня діется пятница великая —
Садился Ѳедоръ Ивановичь
На этого коня да богатырскаго;
Поѣхали со поля со чистаго
Во этую палату богатырскую
Къ стару казаку Никитѣ Романовичу.
Завтра будетъ суббота Христовская.
Грозный царь Иванъ Васильевичь
Разсылалъ-то офишки по всѣмъ сторонамъ,
По своимъ слугамъ вѣрнымъ,
По своимъ слугамъ подданнымъ.
„Ай же вы, мои слуги вѣрны,
„Ай же вы, мои слуги подданны!
„Вы пойдете къ заутрени Христовскоей
„Во этую во церковь во Божію,

„Надѣвайте одежду распечальную;
„Нѣтъ у меня сына любимаго Ѳедора Ивановича,
„Вашъ-то Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„Свелъ на поле на чистое на плаху дубовую,
„Отрубилъ буйну голову,
„Придалъ смерть напрасную,
„Вынялъ сердце со печенью".
Пришли его слуги вѣрныи, слуги подданныи
Во этую церковь во Божію,
Надѣта одежда распечальная;
И пошолъ старый казакъ Никита Романовичь
Во эту во церковь въ Божію,
Надѣлъ одёжу самолучшую;
И приходитъ во церковь во Божію,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ, на три, четыре на сторонки поклоняется,
И грозному царю Ивану Васильевичу
Дѣлаетъ поклонъ ему въ особину.
„Ты, грозный царь Иванъ Васильевичь,
„И здравствуй-ко ты со моей сестрой,
„И со своей семьей,
„И со тымъ ли со яснымъ соколомъ,
„Со Ѳедоромъ Ивановичемъ".
Какъ взглянетъ Грозный царь Иванъ Васильевичь
На стара казака Никиту Романовича
И самъ проговоритъ ему да таково слово:
„Какъ былъ бы ты, старый казакъ Никита Романовичь,
„Былъ бы ты не въ церкви не въ Божіей,
„Я не далъ бы собакѣ на часъ живота".
Проговоритъ старой казакъ Никита Романовичь:
„Живетъ ли-то грѣшному прощеньицо,
„Живетъ ли-то грѣшному благословеньицо?"
„И я простилъ бы да некого,
„Я помиловалъ бы, да негдѣ взять".
Повернется старый казакъ Никита Романовичь

Со церкви со Божіей
И въ свою-то палату богатырскую
И говоритъ-то Ѳедору Ивановичу:
„Ай же, ты, Ѳедоръ Ивановичь!
„Ставай-ко ты по утру ранёшенько,
„Умывайся-тко ты бѣлёшенько,
„Утирайся-тко ты, да сухохонько;
„Я досталъ ли у грознаго царя Ивана Васильевича
„Прощеньицо и благословеньицо".
Сталъ-то Ѳедоръ Ивановичь по утрышку ранёшенько,
Умывался онъ бѣлёшенко,
Утирался онъ сухохонько
И убирался онъ хорошёхонько;
Пошли они во церковь во Бо́жію
Къ этой заутрени Христовскоей;
Крестъ-отъ кладутъ они по писаному,
Поклонъ кладутъ они по ученому;
На двѣ, на три, четыре на сторонки покланяются,
Грозному царю Ивану Васильевичу во осо́бину.
Прого́ворилъ старой казакъ Никита Романовичь:
„Здравствуй-ко со моьей сестрой и со своей семьей
„И со тыимъ ли со яснымъ со со́коломъ,
„Со Ѳедоромъ Ивановичемъ".
Взглянетъ грозный царь Иванъ Васильевичь
На стара казака Никиту Романовича,
Беретъ его за рученьки за бѣлыи,
За этыи за перстни злаченыи,
И цѣлуетъ во уста да во сахарныи;
Самъ прого́ворилъ да таково слово:
„Старой казакъ Никита Романовичь!
„Чѣмъ тебя, намъ скажи, пожаловать —
„Городами ли тебя, пригородками,
„А ли сплою тебя да богатырскою,
„А ли золотой тебя казной безчетноей?"
И прого́воритъ старой казакъ Никита Романовичь:
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичь!

„Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
„И не надо мнѣ твоей силы богатырской,
„И не надо мнѣ золотой твоей казны безчетноей.
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичь,
„У меня того своего есть;
„Мнѣ пожалуй-ко наскори Никитину отчину, —
„И кто какой грѣхъ сдѣлаетъ,
„И кто во Никитину отчину уйдетъ,
„Того Богъ проститъ".
И пожаловалъ грозный царь Иванъ Васильевичь
На скори Никитину отчину.

(Запис. Гурьевымъ отъ Вас. Щеголенкова).

II.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ [1]).

Іоаннъ златые уста.

На первой недѣлѣ въ Воскресенье,
На шестой недѣлѣ въ Вознесенье
Вознесется Господь на небеса
Съ ангелами
И со архангелами
И со всею силой со небесной.
И восплачетъ его меньшая братья:
„Ай ты, Господи, Господи и Царь небесный!
„И куда же ты полетаешь
„И меньшу свою братью оставляешь?
„И помретъ твоя меньшая братья
„Голодною смертью—холодною".
Речетъ Господь: „Іоанне!

[1]) Сообщены Е. В. Барсовымъ.

„Оставлю я своей меньшей братьи
„Горы золотыи;
„Будетъ меньшая братья
„Между собою подимети
„И меня, Господа Бога, величати".
Речетъ Іоаннъ:
„Господи, Господи!
„Оставишь ты своей меньшей братьи
„Горы золотыи,—
„Отоймутъ люди богатыи,
„Отоймутъ судьи неправедны,
„И помретъ твоя меньшая братья
„Голодною смертью—холодною".
Речетъ Іоаннъ ко Господу:
„Господи, Господи, Царь небесный!
„Оставь ты своей меньшей братьи
„Слово Христово:
„Будетъ твоя меньшая братья
„По міру ходити
„И тебя, Господа Бога, величати".
Оставилъ Господь меньшей братьи
Слово Христово.
Речетъ Господь:
„За твои умильныи рѣчи
„Дарую тебѣ усты златыи".

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

Убогій Лазарь.

Жилъ во славѣ богатый,
Онъ роскошны ясвы ѣлъ и пилъ,
Дороги одежды одѣвалъ;
А убогой-то Лазарь
Лежитъ въ скорбности гною.
Выходитъ богатый онъ за ворота;
Закричитъ тутъ убогій Лазарь

Громкимъ голосомъ:
„Брате, мой милый! Богачь человѣкъ!
„Христа-ради, брате, напой, накорми!
„Странное мое тѣло обуй и одій!“
Самъ плюнулъ богатый
И прочь отошелъ.
„Есть у меня братья получше тебя:
„Князи, бояре—друзья мои,
„Гости торговы—братья мои“.
Было у богатаго два лютыхъ пса,
По подстолью ходили,
Сроненныя крошечки собирали,
Къ убогому Лазарю сношивали, —
Тутъ тѣмъ Лазарь сытъ пребывалъ.
Молился Лазарь ко Господу:
„Пріими мою грѣшную душиньку
„Къ Себѣ на хвалу!
„Этакъ моя душинька поцарствовала
„На бѣломъ свѣту“.
Услыхалъ Господь моленье его,
Праведное моленьицо Лазарево.
Ссылае съ небесъ ангеловъ
По него по душиньку по Лазареву.
Честно душиньку съ тѣла выняли;
Пеленали душиньку въ бѣлы пелены,
Вознесли души къ Богу въ рай —
Къ святому Обрамію, къ Дмитрію.
Цѣлуетъ Обрамій сахарны уста.
„Поди-ко ты, Лазарь, давно мы
„Тебя ждемъ;
„Уготовано тебѣ мѣстечко
„Въ пресвѣтломъ раю“.
Втыпори богатый въ полѣ гулялъ.
Не узрѣлъ богатый ни дому, ни дѣтей:
Нашла на богатаго Божья воля,
Божья-то волюшка, милость велика.

[redacted]

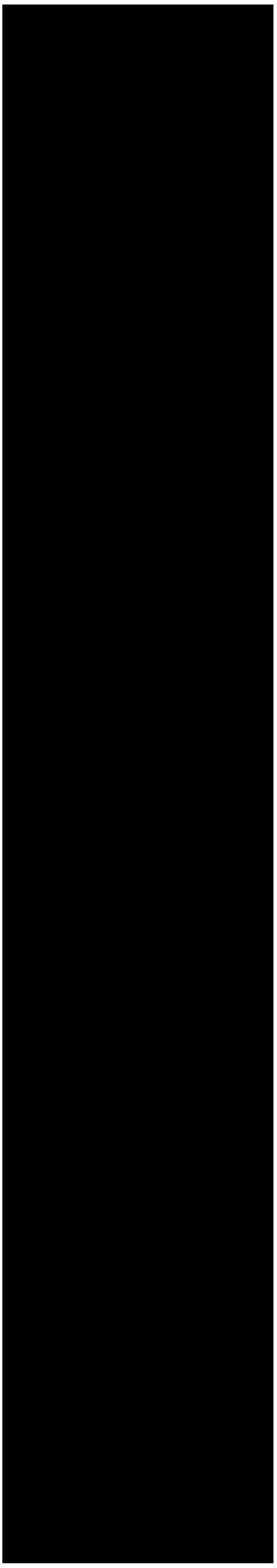
Высокія горницы огонь опахалъ,
Буйные вѣтерки пепелъ разнесли,
Много скота, въ лѣсахъ звѣрье погибло.
Возмолился богатый ко Господу:
„Господи, пріими мою душиньку,
„Къ себѣ на хвалу.
„Этакъ моя душинька постранствовала,
„На ономъ свѣту“.
Услыхалъ Господь моленье его,
Ложное моленьицо, неправедное.
Ссылае Господь святыхъ ангеловъ немилоставыхъ:
Не честно въ богатаго выняли душу;
Крюкамъ желѣзнымъ уста волокли;
Сверзили душиньку видьма высоко —
На ту колясницу, на огненную.
Вотъ тебя, богатый, свѣтлый рай!
Мучись ты, богатый, вѣкъ по вѣкамъ.
Мучился богатый день до вечера;
Обозрѣлъ богатый брата своего
Убогаго Лазаря
Въ пресвѣтломъ раю.
Закричалъ тутъ богатый къ брату своему:
„О брате, мой милый! Убогой человѣкъ!
„Выступи, родимый, со свѣтла раю.
„Сходи-ко ты, брате, ко синю морю,
„Обмочи свой мизиной перстъ:
„Закропи мои сахарны уста,
„Чтобы моей души не тошно было“.
„Сходилъ бы я, братецъ, ко синю морю,
„Но не моя есте волюшка,
„Есте Божія воля,
„Божья-то волюшка, милость велика.
„А помнишь-ли, братецъ,
„Памятуешь ли,
„Какъ мы жили на бѣломъ свѣту?
„Втыпори братомъ ты меня не читалъ,

„Алчнаго, жаждпаго ты не напиталъ;
„Въ темницѣ сѣдящаго ты не посѣщалъ;
„Босаго, нагаго ты не одѣвалъ;
„Во гробѣ лежащаго ты не провожалъ.
„Втыпорп, богатый, ты меня братомъ не читалъ.
„Едина насъ матушка спородила,
„Не едину Господь участь снарядила!“
Что Господь далъ убогому Лазарю,
То мы славу поемъ.

Красная Алисафія Агапіевна.

Востари было градѣ во Іерусалимѣ:
Было три царства Рахрымскіе.
Первое царство—Садамъ городъ;
Другое царство—Садымское;
Третье цар ство—Рахрымское.
Говоритъ царица Рахрымская
Ко царю своему ко Рахрымскому:
„Не кручинься, царь, не печалуйся:
„Есть у насъ въ домѣ не милая счасть,
„Красная дѣвица Алисафія Агапіевна.
„Она вѣруетъ во вѣру не нашую,
„Она вѣруетъ въ вѣру христіанскую“.
Ужъ, какъ сталъ отецъ да обманывать и уговаривать:
„Красная Алисафія Агапіевна!
„Ты которую вѣру вѣруешь?
„Ты которому Богу молишся?
„Мы туда тебя станемъ въ замужъ отдавать“.
Красная Алисафія Агапіевна срадовалася:
Во всю ночь она Богу молилася:
У ней вышиты были, напечатаны
Святы ангелы, святы архангелы,
Пресвятая Мати Богородица.
Изъ утра стала дѣвица ранешенько
И умывала бѣлешенько.

Выходитъ дѣвица на широкій дворъ;
На дворѣ стоитъ карета черная,
И подпряженъ жеребчикъ не ученый;
Посаженъ дѣтина молодой.
Красная Алисафія Агапіевна догадалася,
Жалобнешенько порасплакалась:
„Не на то меня отецъ-мать спородили,
„Что во священскую вѣру въ замужъ отдать.
„Отдаютъ меня къ люту змѣю:
„Ко лютому змѣю на съѣденіе,
„Ко пещерскому на прожреніе".
Садилась Алисафія Агапіевна въ карету черную;
Выѣзжалъ дѣтина ко синю морю
Ко великому.
Едина дѣвица оставалася;
Мало времени смиловалося;
Наѣзжалъ тутъ Егорей на добромъ конѣ,
Говоритъ Егорей ко красавицѣ:
„Красная Алисафія Агапіевна, поддержи коня
„За шелковъ поясъ,
„Хоть на малое время; я спать усну;
„И посмотри на сине море;
„Когда синее море порасходится,
„Волна на морѣ сколыхается,
„И люта змѣя появляется,—
„Ты тогда меня отъ сна буди".
Мало время смиловалося,
Какъ сине море сколыхалося,
Волна на морѣ порасходилася,
Люта змѣя идетъ очень сердитая.
Начала красная Алисафія Агапіевна отъ сна будить
И не можетъ разбудить.
Покатились у ней горючи слезы
На бѣло лицо;
Отъ того онъ отъ сна восталъ.
И садился Егорей на добра коня;



Во праву руку беретъ свое копье
И пріѣзжаетъ Егорей ко синю морю.
Идетъ змѣя очень сердитая,
И говоритъ змѣя громкимъ голосомъ:
„Есть у меня сегодня три головы—
„Двѣ головы человѣческія,
„А третья—лошадиная“.
Началъ Егорей ей копьемъ колоть;
„Быть смирна ты, змѣя, какъ кротокъ смиренъ
„У крестьянина быть скотинина“.
И говоритъ Егорей красной Алисафіи Агапіевны
„Красная Алисафія Агапіевна, возьми свой шелковый поясъ,
„Положи змѣю на шелковъ поясъ
„И веди змѣю ко своему батюшкѣ,
„И говори своему батюшкѣ Агапіевичу—
„Пусть повѣруетъ въ вѣру христіанскую;
„Пусть состроитъ три церкви соборныя,
„Соборныя, богомольныя.
„Первую церковь—Спаситель,
„Другую—Святитель,
„Третью—Егорію свѣту храброму“.
Она и повела змѣя ко своему батюшкѣ Агапію.
„Батюшко! Повѣруй въ вѣру христіанскую;
„Сострой три церкви, соборы богомольныя.
„Пріѣзжалъ Егорей на добромѣ конѣ;
„Началъ Егорей змѣю конемъ топтать,
„Конемъ топтать, змѣю копьемъ колоть,
„Онъ разсѣкъ змѣю на мелко частье,
„На мелки змѣеныши, веретеныши;
„Распустилъ змѣю онъ по всей земли,
„По всей земли, по всей Руси.

О Кирикѣ младенцѣ.

Ай же ты, Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцей,

И мать твоя Улита!
И нашли этого Кирика младенца
У Максимьяна царя во градѣ,
Во соборнѣй церкви апостольской
Противъ Петра и Павла.
Читаетъ книгу Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцей,
И стоитъ тутъ его мать Улита.
Приходятъ злы мученики царя Максимьяна,
Говорили Кирику младенцу:
„Ай же ты, Кирикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцей,
„И мати твоя Улита!
„И ты повѣруй во вѣру нашу
„Поклонись нашимъ богамъ-идо. мъ“.
И говорилъ-то Кирикъ младенецъ:
„Ай же вы, злы мучители
„Царя Максимьяна!
„И не повѣрую я въ вѣру вашую,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ.
„Какой отвѣтъ со перваго дни,
„Такой отвѣтъ и до послѣдняго дни“.
И взяли яты злы мучители
Кирика младенца
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцей,
И матерь его Улиту,
Повели къ Максимьяну царю ко мучителю.
Говорилъ Максимьянъ царь:
„Ай ты, Кирикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцей,
„И мати твоя Улита!
„Ты повѣруй въ вѣру нашую,
„И поклонись нашимъ богамъ-идоламъ“.
И говорилъ ли Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцей:
„Ай ты, Максимьянъ царь!

„Не повѣрую я въ вѣру вашую,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ;
„Какой отвѣтъ со перваго дня,
„Такой и до послѣдняго дня".
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:
„Вы возьмите, мои злы мучители,
„Кирика младенца
„Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцей,
„И матерь его Улиту
„На водѣ топить".
Кирикъ младенецъ на водѣ гоголемъ пловетъ,
Гоголемъ пловетъ—голова вверху,
И самъ стихи поетъ херувимскіи;
Голосъ у него по архангельски.
Разъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
На того-ли Кирика младенца
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцей,
И на матерь его на Улиту.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Вы возьмите Кирика младенца
„Топоромъ рубить".
И начали его злы мучители
Топоромъ рубить.
Во топорѣ всѣ лѣзья приломалися,—
Онъ, Кирикъ младенецъ, стоемъ стоитъ
Ничто ему святому не діялось,
И самъ пѣсни поетъ херувимскіи,
Голосъ у него по архангельски.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:
„Вы возьмите Кирика младенца
„Въ колесѣ вертѣть".
Онъ, Кирикъ младенецъ, стоемъ стоитъ,
Стоемъ стоитъ, самъ стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ у него по архангельски.

Возъярровался Максимьянъ, царь-мучитель,
Приказалъ ли своимъ злымъ мучителямъ:
„Идите-тко въ поле широкое,
„Копайте яму глубокую —
„Глубиной-то яму до пяти саженъ,
„Шириной-то яму десяти саженъ,
„И насыпайте въ эту яму великую
„Угля зрѣлаго.
„Поставьте на эти на угли на зрѣлыи котелъ желѣзный,
„Накладите туды селитры-олова,
„И раздуйте эты угли зрѣлыи
„Этыми мѣхами да великими".
Затряслась и мать-сыра земля на три поприща,
Ужаснулася мати его Улита
Этого реву котельнаго.
Говорилъ ли Кирикъ младенецъ:
„Мати моя Улита!
„Не устрашись реву котельнаго,
„Господь Богъ насъ помилуетъ".
И говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:
„Иди, Кирикъ младенецъ, въ котелъ желѣзный,
„Разварена тамъ селитра и олово
„Во томъ котлѣ да во желѣзномъ".
И зашелъ-то Кирикъ младенецъ
Со матерью со Улитою,
И говорилъ-то Кирикъ младенецъ:
„Максимьянъ, царь-мучитель!"
Кирикъ младенецъ стоемъ стоитъ
Во томъ котлѣ да во желѣзноемъ
И самъ стихи поетъ херувимскіи,
И голосъ у него по архангельски.
Говорилъ ли Кирикъ младенецъ
Максимьяну царю:
„Ай же ты, Максимьянъ, царь-мучитель!
„Разварено у тебя въ томъ котлѣ селитра и олово,
„Какъ море да ледяное.

„Ай ты, Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни свой перстъ по первому суставу
„Во этотъ котелъ желѣзный".
Ушибло у Максимьяна царя
Перстъ по первому суставу.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель.
„Ай ты, Кирикъ младенецъ!
„Исцѣли перстъ—повѣрую въ вѣру вашую,
„Поклонюсь я Богу вашему
„Христу Распятому".
И исцѣлилъ перстъ Кирикъ младенецъ
У царя Максимьяна.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Раздуйте угли пуще зрѣлыи
„Тыма ли мѣхами великима".
Говоритъ Максимьянъ, царь-мучитель:
„Иди, Кирикъ младенецъ,
„Во тотъ котелъ желѣзный,
„Пуще разварены селитра и олово".
И вшелъ Кирикъ младенецъ,
Мать его Улита
Во тотъ котелъ желѣзный.
Тамъ Кирикъ стоемъ стоитъ,
Стоемъ стоитъ, самъ стихи поетъ,
Стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ у него по архангельски:
„Господь Богъ насъ помилуетъ!"
Говоритъ ли Кирикъ младенецъ:
„Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни руку по первой по завиви
„Въ этотъ котелъ желѣзный.
„Какъ есть студеное море!"...
Пихнулъ Максимьянъ царь
Руку по первой по завиви
Въ этотъ котелъ желѣзный.
Отшибло руку у Максимьяна царя

По первой по завиви.
Говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:
„Ай же ты, Кирикъ младенецъ,
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцей,
„И мати твоя Улита:
„Исцѣли руку мою по первой по завиви, —
„И повѣрую я во веру вашую,
„И поклонюсь я Богу вашему
„И Христу Распятому".
Воздернулъ Кирикъ младенецъ
Руки свои на свою главу:
„Ай же ты, Господи, Господи!
„Исцѣли руку у Максимьяна мучителя
„По первой по завиви,
„Онъ повѣруетъ въ вѣру нашую,
„Онъ поклонится Богу нашему,
„Христу Распятому".
И исцѣлилъ руку по первой по завиви.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
На того ли Кирика младенца
На матерь его на Улиту.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Возьмите Кирика младенца
„И матерь его Улиту,
„Ведите во поле широкое
„И пригвоздите ко дубу ко широку".
И взяли эты злы мучители
Кирика младенца,
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцей,
И матерь его Улиту,
Свели въ поле широкое
И пригвоздили ко дубу ко широку.
Онъ, Кирикъ младенецъ,
Стоемъ стоитъ, самъ стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ по архангельски.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель:

[redacted]

„Возьмите, мои злы мучители,
„Выньте Кирика младенца
„И матерь его Улиту.
„И со этого дуба со широка,
„Кладите его да на широко поле,
„И разстрѣляйте его тѣло бѣлое,
„И сожгите его тѣло бѣлое
„На томъ огни на здрящепмъ".
И сожигали Кирика младенца
На томъ огни на здрящіпмъ.
Приказалъ Максимьянъ, царь-мучитель,
Спустить тѣло бѣлое на широко поле.
Онъ, Кирикъ младенецъ,
Стоемъ стоитъ, самъ стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ у него по архангельски.
Речетъ Господь: „Ай же ты, Кирикъ младенецъ,
„Претерпѣлъ ты муку великую;
„Что̀ ты хочешь получить
„За эту за муку за великую?"
„Господи! Ничего я не хочу получить.
„Который рабъ меня вспомнитъ
„Дважды днемъ на молитвахъ,
„Сбавленъ пусть тотъ рабъ
„Отъ вѣчной муки,"—
И славитъ тебя, Кирика младенца
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

III.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПѢСНИ ВЪ ТОЛВУЙСКОЙ ВОЛОСТИ [1]).

Свадьбы производятся просто—съ согласія жениха и невѣсты, которому и сами родители бываютъ не вольны сопротивляться. Начинаютъ такъ: холостой, подговоривъ дѣвицу, старается залогъ взять отъ нея—какую-либо дорогую вещь изъ ея приданаго; потомъ ѣдутъ свататься къ отцу и матери, ѣдутъ нѣсколько человѣкъ. Сватовство бываетъ всегда поздно вечеромъ. На сватовствѣ угощаютъ сватовъ — первое — водкою, а главная принадлежность угощенія—приготовляютъ яичницу на сковородѣ и сканые тонкіе пироги, вареные въ маслѣ на сковородѣ. Если доводится до того, чтобъ уговариваться о свадьбѣ, зажигаютъ свѣчку, молятся Богу, назначаютъ дарева и на сватовствѣ сватовьямъ даютъ по полотенцу (богатые—еще по рубашкѣ), а свекрови посылаютъ сорочку въ подарокъ отъ невѣсты.

На другой день послѣ сватовства, невѣста какъ встанетъ, начинаетъ причитывать:

Я долго спала, невольна красна дѣвушка,
Сего утрушка Господняго,
Сплю до зорюшки раноутренной
И до бѣлаго до свѣтушка,
До выставу солнца краснаго.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ долгимъ денечкомъ,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ столовъ да отъ дубовыихъ,
Отъ стряпѣюшки сусѣтливой,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ самоварчиковъ золоченыихъ,

[1]) Описаны крестьяниномъ И. А. Касьяновымъ; разсказъ его, сообщенный для изданія чл.-с. П. А. Гильтебрандтомъ, печатается здѣсь почти безъ всякихъ измѣненій.

От кофейниковъ лужоныхъ.
От разливу малыхъ чашочокъ.
Какъ до этого Господня Божья утрушка
Я ставила самовары золоченые
И кофейнички лужоныи,
И розливала малы чашечки,
И попла я гостей да приходящіихъ.
Но сегоднишнымъ Господнимъ долгимъ утрушкомъ,
На весельи мои желанные родители
Избываютъ меня, бѣлой лебедушки.
Сего денечка Господняго
У моихъ да у желанныхъ родителей
Припаставлено къ столамъ да дубовыимъ
И стряпушки-распорядчики,
И къ разливу малымъ чашечкамъ разнощички.
Вы послушайте, желанныи родители,
Вы приставьте-тко совѣтныхъ милыхъ подружекъ,
За ключевою сходите водушкой—
Мнѣ размыть да сего дня Господняго
Свое личушко бумажное [1]).
Вы подите-тко, совѣтны милы подружки,
Ко крутому красну бережку
И почерпите-тко ключевой свѣжой водушки,
И принесите-тко ко мнѣ, подневольной красной дѣвушки.
Что-то долго заходилися совѣтныи милы подружки,
Застоялися съ остудничкомъ съ чужателемъ,
Со младымъ сыномъ отецкимъ разговорами занимаются.
Имъ сулитъ да младъ отецкой сынъ,
Сулитъ штофику разубористаго,
Поголевой (?) парчи сулитъ да по парчовичку,
На млады головушки онъ по розовой косыночки,
Во русыя волосоньки онъ по алой сулитъ ленточки;
Онъ еще сулитъ, младъ отецкой сынъ,
На рѣзвыи ноженьки чулочики шелковыи

[1]) То есть, бѣлое какъ бумага.

И башмачики козловыи.
А и вы, совѣтныи милыи пòдружки,
Не измою я лица бѣлаго
Сего дня Божья Господняго.
Манитѐ меня, совѣтныи милы пòдружки,
И въ обманъ да дѣло дѣлаете:
Вы берете отъ млада сына отецкаго
Изо многихъ чесныхъ дорогихъ подарочокъ—
Смѣты нѣту въ золотой казны безчотной—
Вы берете всякихъ сладкихъ напиточокъ,
Сахарныхъ закусочокъ.
Нунь послю я васъ, совѣтныи милыи пòдружки,
Покажу я вамъ путь долинную дороженьку:
Ей, сходите-тко вы на Лодейно чисто полюшко,
На Лодейномъ на полюшки
Три подкопые колодца,
Тамъ срубочки да серебра,
Почерпушечки есть золочоныи,—
И зачерпите-тко ключевой свѣжой водушки.
Что-то долго совѣтныи милы пòдружки заходилися,
Въ разстаняхъ вѣрно оны да замѣшалися,
Во лѣсахъ да заблудилися,
За перевозами оны да зостоялися.
Нунь пришли совѣтныи милы пòдружки
Со ключевой пришли оны со водушкой:
Покажите-тко, совѣтныи милы пòдружки,
Вы подайте-тко въ бѣлы мои ручушки
Ключевую свѣту водушку—
Мнѣ измыть да лицо бѣлое.
Манитѐ меня, совѣтныи милыи пòдружки,
Эта водушка мучоная,
Эта водушка брожоная,
Не измою личика бѣлаго
Какъ по этому по чистому по полюшку,
Какъ ѣздитъ младъ отецкой сынъ
На своемъ да на добромъ конѣ;

Онъ во первомъ во колодецѣ
Напоилъ да коня добраго—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожоная.
Онъ во другомъ во колодцѣ
Помочилъ да плётку шолкову;
Онъ во третьемъ во колодцѣ
Самъ искушалъ ключевой воды.
Не измою лица бѣлаго
Сего дня Божья Господняго
Этой водушкой мучоной,
Этой водушкой брожоной.
Вы сходите-тко, совѣтны милы подружки,
Хоть дальня путь широка дороженька
Ко славному ко Питеру,
Ко царю да въ зеленой садокъ;
Какъ у царя да въ зеленомъ саду
Три колодца подкопныихъ,
Въ нихъ срубочки серебряныи,
Почерпушечки въ нихъ да золочеными,
И замочики положены окованыи,
Сторожа поставлены тамъ вѣрныи.
Доложитесь-ка, совѣтны милы подружки,—
У сторожовъ-то вы да вѣрныихъ
Почерпнуть вамъ ключевой да водушки.
Что вы долго заходилися, совѣтны милы подружки,
Въ ростаняхъ да замѣшалися,
Во лѣсахъ да заблудилися,
И за перевозамы застоялися.
Подошли милы совѣтны подружки,
Подошли да со ключевой свѣжой водушкой.
Покажите-тко невольной красной дѣвушки;
Вы подайте-тко на бѣлы мои ручушки.
Манитè меня, совѣтны милы подружки:
Все вѣдь водушка мучоная,
Все вѣдь водушка брожоная.

Тамъ-то ѣздила дочь царская
На своемъ ли на добромъ конѣ,
Прогуливалась она въ зеленомъ саду,
Въ первомъ колодцѣ напоила коня добраго,
Какъ во другомъ во колодцѣ
Помочила плетку шолкову,
И во третьемъ во колодецы
Сама искушала ключевой воды—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожоная;
Не измою лица бѣлаго.
Нунь пошлю я васъ, совѣтны милы подружки,
Я на Свирь да быстру рѣченьку.
На Свири да быстрой рѣченьки
Бѣжитъ водушка быстрешенько,
Несетъ водушку скорешенько:
Не мутится ключева вода.
Тутъ почерпните-тко ключевой свѣжей водушки,
Принесите-тко ко мнѣ, подневольной красной дѣвушки,
Въ розстаняхъ да замѣшалися,
Во лѣсахъ да заблудилися,
За перевозами да застоялися.
Подошли, совѣтны милы подружки,
Со ключевой со свѣжоей водушкой:
Вы подайте-тко на бѣлы нуньче рученьки,
Я приму возьму на бѣлы нуньче рученьки
Я свѣжкую ключевую да водушку,
Я отъ миленькихъ совѣтныхъ милыхъ подружокъ,
Измывать да буду бѣлое свое личушко;
Эта водушка да не мучоная,
Эта водушка не брожоная;
Притрудила васъ, совѣтныхъ милыхъ подружекъ,
Ходячи по дальнымъ по сторонушкамъ.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подружки,
За ключевую да свѣжу воду.
Принеси-тко, совѣтны милы подружки,

Мнѣ разшивленое тонкое полотенышко —
Утирать да надо было личушко:
Было вышито на разшивленомъ полотенушкѣ
И цари да со царицами,
Короли да съ королевами,
И съ полками да государевыма,
И съ русскими со военными,
И съ угрѣвнымъ краснымъ солнышкомъ,
И со свѣтлымъ со мѣсяцемъ,
И со частыми со звѣздочками.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подружки,
На разшивленомъ полотенушки.
Видно дѣвушки есть вышкольныи,
Видно дѣвушки ученыи
Есть при умныихъ желанныхъ родителей,
При разумной есть роды вы и племечки.

По вечеру невѣсту въ байну зовутъ; дѣвица отпираетъ дверь и начинаетъ приплакивать говоря:

Отворись-ка, дверь дубовая,
Какъ по пятничкамъ булатнымъ,
По этимъ ли петелкамъ шелковымъ!
Мнѣ воздать поклонъ, невольной красной дѣвушки,
Старушкамъ стародревнiимъ,
Старикамъ отдать почтеннымъ:
Вы пожалуйте во теплу парну баенку,
Не чешитесь, ни побайдайтесь [1]);
Ни про васъ да байна топлена,
И ни про васъ байна готовлена,
Ни про васъ да вода ношена:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтну милу подружку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Мнѣ вдовамъ благочестивымъ,
И солдаткамъ горегорькiимъ:

---

[1]) Не почесывайтесь.

Вы пожалуйте во теплу парну баенку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь,
Ни про васъ-то байна топлена
Ни про васъ да вода ношеная:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтну милу подружку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Ко печеньки кирпичной,
Ко большушкѣ-распорядчиткѣ:
Вы пожалуйте во теплу парну баенку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь;
Ни про васъ то байна топлена,
Ни про васъ да вода ношена:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтку милу подружку.
Нунь воздамъ поклонъ, душа да красна дѣвушка,
Въ полоненей разореной задней уголокъ,
Ко миленькой совѣтной моей подружки,
Къ подневольной души да красной дѣвушки.
А вы пожалуйте, совѣтна мила подружка,
Во теплую парную баенку,
Да во баеную умывапнку.
Истопила я тебѣ теплу парную баенку,
Изготовила и износила
Ключевой тебѣ я водушки.
Ты послушай-ко, совѣтна мила подружка,
Я ни дровцамы топила, ни полѣнцамы,
Ни лучиной разжигала, ни сосновоей.
Я ходила во три чистыи во полюшка,
Принимала я три деревца кипарисныихъ
И разсѣкала я на тридевять полѣнечокъ,
Истопила тебѣ теплу парну баенку,
Съ теплой парной вышла баеньки
На прогулушку, на широку на уличьку,—
Какъ зазвонили колокольцы Питербургскіи,
И принаѣхалъ-то остудникъ, младъ отецкой сынъ,

Ко моей ли теплой парной ко баенки;
Онъ вѣдь здѣся-тъ со мною, доброе здоровьеце!
Тебѣ Богъ помочь, душа да красна дѣвица,
Ты пусти меня во теплую парну баенку.
Впереди своей совѣтной милой подружки,
Къ подневольной душы да красной дѣвушки,
И за мною ты бери да золотой казны бесчетной
И честныхъ дорогихъ подарочекъ.
И ни на что да ни позарилась,
А и ты миленька совѣтна мила подружка,
Нунь пойдете-тко во теплу парну баенку,
Во мою ли да умываленку.
А и ты, миленька совѣтна мила подружка,
Ты проси нынче у родители, у матушки
Ты шелкова парна вѣничька
И мылья съ умывальями;
Проси тазичьковъ теперь да золоченыихъ
И тонку бѣлую просите нынь рубашечьку,
Хоть худеньку проси за перемывочку.
Воскормитель мой, родитель, сударь-батюшка,
Я спрошу тебя, невольна красна дѣвушка,
Промощены ль у тебя мостички дубовыи
Отъ крылечушка перскаго ко теплой парной баенки,
И ставлены ль у тебя столбики точеныи,
И положены ли у тебя говоздочки золоченыи,
Понавѣшены ль занавѣсточки шелковыи,
Поразосланы по мостамъ до по дубовымъ
Суконца одинцовыи,
Чтобъ башмачки мои да ни грезнилися,
Чулочки мои да ни маралися;
Да и любимыхъ сердечныхъ повозничковъ [1])
И вѣрныхъ сторожителей,
И надежныхъ провожателей,
Чтобы сберегли да мою волю-волюшку,

---

[1]) Проводниковъ.

Сего дня Господняго
Отъ остудничка, млада сына отецкаго.
Потомъ приходить невѣста съ байны:
Благодарю тебя, совѣтна мила подружка,
Что истопила теплу парную баенку:
Я измыла свою вольную волюшку.
Благодарю я васъ, свѣтушки-братцы родимыи,
Что сберегли да мою вольную волюшку.
Уплетите-тко, совѣтны милы подружки,
Мою вольную волюшку.
Вы уплетите-тко мелко мою русую мою косыньку,
Заплетите-тко, совѣтны милы подружки,
Во мою русую во косыньку,
Въ корешокъ вплетите-тка саблю вострую,
А ополу косы вплетите мою косаньку
Круглое малое озерышко,
На конецъ вплетите моей русой косаньки
Востры ножички булатны
И накладите-то колючіихъ булавочекъ.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ долгимъ денечкомъ
Приналступится остудникъ, младъ отецкой сынъ,
На мою то дорогу волю бажоную,
Расплетать-то станетъ вольной волюшки,
Разрушать то станетъ косоплеточекъ,
Онъ наколетъ ручки бѣлыи
И обрѣжетъ ручки бѣлыи
Во ножички булатныи;
До полу дойдетъ моей волюшки до круглой,
До малаго озерышка,
Пріутупе въ кругло малое озерушко,
Пріизмочитъ свои цвѣтны платьица, —
Тутъ отступится отъ вольной моей волюшки,
Станетъ по полу похаживать,
Ручками бѣлыми помахивать,
Станетъ тряпочекъ попрашивать,
Бѣлыхъ ручушокъ завязывать,

Цвѣтно платьицо изсушивать.
Позабудетъ мою вольную волюшку,—
Пріостанусь во своей воли бажоной,
У своихъ да у желанныхъ родителей.

Въ назначенный день съ обѣихъ сторонъ созываютъ родственниковъ и съѣзжаются къ невѣстѣ.

Съ поѣздомъ ѣдутъ къ невѣстѣ; дружки ѣдутъ впереди и пріѣзжаютъ къ невѣстину дому прежде поѣзда, и поколотятся подъ окномъ: „Есть ли, есть ли въ семъ домѣ живущемъ, во свѣтлой свѣтлицы, во столовой горницѣ княгини молодой батюшко родной *такой то?* Если спитъ, такъ пробудите; куда ушелъ, такъ поищите и къ намъ сюда его приведите. Здорова ли у васъ княгиня молода? А нашъ молодой князь низко кланяется, а до княгини молодой добирается. Есть ли у вашей княгини молодой про нашего князя свѣтлыя свѣтлицы, столовыя горницы, столики дубовые и стулички кленовые, ложечки серебряныя, самоварики золоченые и кофейнички луженые, про коней конюшни, про шлею сараи, конямъ сѣна по ушей, а овса по хвосту?“ Отецъ невѣсты выходитъ и говоритъ: „Все найдется для васъ, будетъ точно въ самый разъ!“ Тогда дружекъ подчиваютъ водкой съ закуской — пирогомъ и говорятъ въ отвѣтъ: „Наша княгиня молода добра-здрава; князю молодому низко кланяется и всему княженецкому поѣзду“.

Потомъ дружки пріѣзжаютъ съ поѣздомъ на отдѣльную квартиру и идутъ во второй разъ къ невѣстѣ на домъ; а тамъ, у невѣсты, избранъ староста и посаженъ за столъ. А тутъ дружки говорятъ: „А кто у васъ за столомъ сидитъ?“ Староста отвѣчаетъ: „Я избраный красныма дѣвушками и молодыма молодушками, хозяиномъ посаженъ и пополу заключенъ“. Тогда дружки подносятъ старостѣ водки; староста выпьетъ и самъ говоритъ: „А вы какъ могли въ нашъ домъ господской пройдти? У насъ были у воротъ приворотники, а у дверей придверники, а у крыльца были собаки самоѣдскія [1])“. Отвѣчаютъ дружки: „А мы ѣхали путемъ-дорогою, дичины настрѣляли и кобелямъ подарили, а кобели насъ и пропустили; а придверниковъ и приворотниковъ да и стольниковъ зо-

[1]) Въ смыслѣ злыхъ, никого не пропускающихъ.

лотомъ и серебромъ подарили, и оны насъ и пропустили". А староста говоритъ: „А у насъ княгины молодой дома нѣтъ, уѣхала прогуливаться — ни знаемъ куда". Дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой ѣздилъ прогуливаться по чистому полю, и она его увидала и весьма испугалася, и домой ворочалася: надо быть ей при домѣ". Староста говоритъ: „А наша княгиня пріѣзжала домой и повернулася бѣлой колпицей и улетѣла". Тогда дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой въ это время ходилъ за охотою, стрѣлялъ гусей и бѣлыхъ лебедей и добирался до бѣлой колпицы; а ваша княгиня молода услыхала громкой выстрѣлъ и весьма испугалася и домой ворочалася: должна она при домѣ быть". Тогда староста говоритъ: „Когда вы много знаете, то можете ли знать морскую глубину и небесную вышину?" Тогда дружки говорятъ: „Вы рѣчь выше ума начинаете, а Христу имя знаете ли?" Тогда староста говоритъ: „Наша княгиня молодà добра-здорова и при домѣ находится, князю молодому низко кланяется и даритъ васъ, дружекъ, вѣрныхъ служекъ!" И подарятъ ихъ полотенцемъ и свяжутъ черезъ плечо, и такъ ходятъ. А потомъ ихъ приглашаютъ въ гости и садятъ за столъ и подчиваютъ — у кого чтò припасено.

Потомъ подводятъ невѣсту къ столу; тутъ она начинаетъ причитывать:

Пораздвиньтесь-ка, народъ да люди добрыи,
На двѣ, на три, на четыре на сторонушки,
Мнѣ пройдти было, невольной красной дѣвушки,
Во почесной да большой уголъ,
Ко столамъ да ко дубовымъ,
Ко гостямъ да низнакомымъ.
Чтò за дивушко во починомъ большомъ углу удивилося?
Во родительскомъ во почостномъ во большомъ углу
Зима стоитъ да студеная,
Со крещенскими да морозами.
Подошло сюда да сине морюшко
Во почетный да во большой уголъ,
Сине море стоитъ да со пристанями,
А пристани-то стоятъ да съ кораблями,

Съ полотняными стоятъ парусамы,
Со товарамы стоятъ да съ дорогима,
А за столомъ сидятъ расчочесны,
Честны гостюшки,
Со женами сидятъ да сомолодыма,
Со дочерямы сидятъ да со хорошима.
Мни нельзя пройдти-придвинуться
Что ль ко столичку мнѣ да ко дубовому;
Супротивъ мня, невольной красной дѣвушки,
Стоитъ стѣнушка городовая
И лединка съ лѣсомъ съ темнымъ:
Мни спросить надо, невольной красной дѣвушки,
У млада сына отецкаго
И у разсказа-свата бо̀льшаго,
И у гостей да незнакомыихъ:
Вы куда, гости, поѣхали,
А вы что̀, гости, провѣдали;
Здѣсь нѣтъ праздничка Господняго,
Нѣтъ погостовъ здѣсь столбовыихъ,
Нѣту улицокъ рядовыихъ,
Нѣту лавочокъ торговыихъ,
Нѣту синяго здѣсь морюшка,
Нѣту пристаней у насъ да корабельныихъ,
Нѣтъ проливовъ съ синихъ морюшокъ.
Опознала я нынь-теперь да красна дѣвушка,—
Видно быть дѣлу неплохому.
Быть кружку да молодецкому,
Поѣзду княженецкому,
Видно быть брюдьгамъ боярынямъ,
Видно быть князю молодому.
Я спрошу тебя, да младъ отецкій сынъ:
Что стоитъ стѣна теперь да городова,
А лединушка стоитъ да съ лѣсомъ темнымъ,
Воспринемщичокъ крестовой стоитъ батюшка,
Воспринемщичька крестова стоитъ матушка,
Лединка съ лѣсомъ темнымъ,

Со породушкой стоитъ родовитоей,
Со сестрицамъ стоятъ да со родимыма,
Со тетушкамы стоятъ да со братушками,—
Ты чѣмъ станешь дарить, младъ отецкой сынъ,
Породушку мою да родовитую?
Я скажу тебѣ, младъ отецкой сынъ,
Тебѣ чѣмъ да дарить надо:
Во первыхъ, дари, да младъ отецкой сынъ,
Родителя да батюшка,
И вовторыхъ, дари родитель мою матушку:
А родителя дари-тко моего батюшка,
Тулупчикомъ дари енотовымъ,
А родитель мою матушку
Сапожкамы ты да вѣдь сафьянными,
А воспринемщичка крестоваго батюшка
Дорогимъ дари сукномъ да одинцовымъ,
А крестовую мою матушку
Дари штофичкомъ ты да разузористымъ,
Мою породушку всю даровитую
Дорогимъ ситцемъ да Екипажескимъ,
А совѣтныхъ милыхъ подружокъ
Дари розовыми косиночкамъ.
То не то стѣнушка да поразстроится,
А и лединушка да пораздвинется,
Красна дѣвица къ дубову столу придвинется.
Вы пожалуйте подносы золочоныи
И со хрустальными со свѣтлыми со рюмочками.
Ты возьми теперь, воспринемщикъ, кресной батюшко,
Тѣ графины съ зеленымъ виномъ
И со сладкою со водочкой.
И наливай-ка ты, воспринемщикъ, кресной батюшка,
Во хрустальны свѣтлы рюмочки;
Я буду подчивать, невольна красна дѣвушка,
Этыхъ гостюшокъ незнакомыихъ:
Испей, выкушай пожалуйста
Малу чару зелена вина;

Обойдти-ка мнѣ не можно,
А покориться мнѣ ни хочется
Тебѣ, князю именитому,
Человѣку превеликому.
Становитесь нынь пожалуйста;
Встань на ноженьки на развыи,
На сапожки да на козловыи;
Изволь выкушать—пожаловать
Малу чару зелена-вина
Отъ княгинушки порученоей:
Есть не горько зелено-вино,
Сладкимъ медкомъ поливано,
Бѣлымъ сахаромъ посыпано.
Расхорошая ты есть ягодиночка,
Расхорошій, распріумной доброй молодецъ;
Твои желтые кудерушка,
И по всякой волосиночки
По скатной по жемчужины,
Твои бровушки чорна соболя,
Твои очи ясна сокола,
Бѣлота въ лицѣ бѣла да снѣгу бѣлаго,
Красота была солнца краснаго;
Ты сидишь—будто свѣща горитъ;
Твои рѣчушки да умешеньки,
Разговорушки твои да виселешеньки,
И походочка твоя да щепетливая:
Подойдти мнѣ ко разсказу-свату большому,
По суду вѣдь по Божьему —
Ко младу сыну отецкому:
Воспринемщикъ, кресной батюшко,
Тебѣ Богъ судитъ, разсказъ да самъ-большой,
Сватъ-разоритель ты краснымъ дѣвушкамъ,
Погубитель нашимъ вольнымъ-волюшкамъ;
Тебѣ Богъ судитъ, да разсказъ—большой сватъ;
А на полѣ бы росло у тебя да со метлицею,
На гумнѣ да со торицею,

А на дворѣ да скотъ рогатой не плодился бы.
Изволь выкушать нынче да пожаловать
Малу чару зелена вина
Отъ княгини—меня поручоной:
Есть не горькое у насъ да зелено вино,
На медку вино разложено,
Сахаромъ вино посыпаное.
Мой поклонъ да понизешенекъ,
Дубоваго стола гостьицы,
Молодого князя брюдгушка;
По суду да вѣдь по Божьему,
По младу сыну отецкому
Воспринемна крестова прійдетъ матушка;
Стань на ноженьки на рѣзвыи,
На чулочки на шелковыи,
На башмачики на козловыи.
Изволь выкушать нынь пожаловать
Малу чарочку зелена вина:
Есть негорько зелено вино,
Сладкимъ медкомъ поливано,
Бѣлымъ сахаромъ посыпано.
У крестовой моей матушки
У ней бровки черна соболя,
У ней очи ясна сокола,
Бѣлогушка снѣжка бѣлаго,
Краса-баса солнца краснаго,
Походочка щепетливая,
Разговорушки учливыи,
Прирозумныихъ родителей,
Прихорошаго роду-племечка.
Воспринемщичка, крестовая матушка,
Быть заступушка по мнѣ да заборонушка
На остудушки на чужой на сторонушки.
Мой поклонъ да понизешенекъ
Всему кружку нынь да молодецкому,
Всему поѣзду нынь да княженецкому,

[redacted]

Брюдгамъ-то вамъ да всѣмъ бояромъ.
Ты гляди же нынь, да младъ отецкой сынъ,
Со кружкомъ да молоденкіимъ.
Со всѣмъ поѣздомъ да княженецкіимъ.
Со породушкой да именитой.
Съ воспринемщичкой крестовой,
Гляди — съ матушкой,
Чтобы послѣ тебя да ни спокается,
Не гнѣвить миня, невольну красну дѣвушку.
И не стыдить бы лица бѣлаго.
Ты гляди-тко, младъ отецкой сынъ:
Я тонка быдто тевичка,
Зелена быдто тровиночька.
Я станомъ ни становитая,
Красотой ни красовитая;
У меня, у красной дѣвушки,
Ко стулу да ко дубовому
Было росту принаставлено,
Толщины было прибавлено,
Красоты въ бѣло лицо принакладено.
Вы глядите-тко, смотрите красну дѣвушку,
Чтобъ опосли вамъ да ни покается.

Когда отъ стола невѣсту поведутъ, она причитываетъ слѣдующее:

Я ни въ зеленомъ саду да побывала,
Не молоковую траву потоптала,
Не лазоревы цвѣты да сорывала,—
Побывала я во почесномъ во большомъ углу
И постояла у столовъ да у дубовыихъ
И поглядѣла я на млада сына отецкаго.
Три грозы мнѣ придалъ младъ отецкой сынъ,
Три великія:
Перву грозушку далъ превеликую —
Взглянулъ глядушкомъ невеселымъ;
Другу грозушку далъ превеликую —
Онъ вздохнулъ да тяжелешенько;
Третью грозушку далъ да превеликую —

Прижалъ онъ мою бѣлу ручушку,
Изломалъ на правой ручки золото кольцо.
Какъ со этого со страху-переполоху
Подломились мои рѣзвыи ноженьки,
Подражали мои бѣлыи рученьки
Со этыма подносами золочонымa,
Со малыма со винныма со чарочками —
Зелено вино по подносу разливалося
По моему по цвѣтному портнищечку,
По золоту манищечьку;
Мое цвѣтное портнищечко
По швамъ да расшивалося,
Мое золото манищечько
По паямъ да распаялося,
Скатны жемчужки мои да перебраныи
По жемчужинки они да раскатилися.
Красотушка-басотушка
Съ бѣла личика потирялася.
Вы желанные мои родители,
Мнѣ-ка трои, люди, надобно:
Мни-ка перво, люди, надобно—
Сшить мнѣ цвѣтное платьицо,
А мни-ка друго, люди, надобно—
Спапть золотò манищечько,
А мнѣ-ка третье, люди, надобно—
Собрать ск[illegible] [illegible]ки жемчужки,
Садить сѣточка жемчужная,
Мнѣ еще да красной дѣвушки
Класть краса-баса-угожество
Во свое бѣло личушко.

Затѣмъ невѣста „отдастъ волю“ и притомъ причитываетъ такъ:

Ты прости, прости, разореной задній уголокъ,
Затулушка, прости, да синя завѣска,
Вы оконички, простите-тко, стекольчаты,
Вы простите-тко, косивчаты окошечки,
Вы простите-тко, брусовы бѣлы лавочки,

Гдѣ [illegible] —
У [illegible]
На бруствей [illegible]
Я за [illegible]
За [illegible]
Гдѣ [illegible]
Свотѣ[illegible]
Соберитесь-ка [illegible]
Моя [illegible]
Ко разлучушки [illegible]
Буде здинутся [illegible]
Ваши бѣлыя ручушки
Разрушать можъ да [illegible]
Вынимать да можъ [illegible]
Разлучать-то меня съ [illegible]—
Не отдамъ-то я [illegible]
Своей вольной [illegible]
Вы, родители теперь да [illegible]
Потеряете, оброните [illegible]
Мы пойдемте на [illegible]
На широкую на улицу.—
Пусть полетитъ моя вольная [illegible]
На остудушку лети на чужую сторонушку,
Ты за горушки лети за высокія,
Ты за лѣсушки лети за дремучія,
За Онегушка лѣти за широкія,
И ко славному лети да ты къ Питеру,
Ко бурлакушкамъ лети да Петербургскіимъ;
Путь-ка волюшка моя да вокрестется.
Ты еще лети, да моя вольна волюшка.
Ты въ Кронштадтъ лети къ солдатамъ государевымъ,
Какъ солдатушки да новобраныя
Подъ неволюшкой живутъ да подъ великоей,
Подъ грозой живутъ да ни подъ малоей.—
Приставлю я свою волю божскую
Я у этыхъ у солдатовъ государевыхъ:

ъ такъ:

Ты живи-тко, моя вольная волюшка,
На ихъ да приберегушки;
Сберегайте-тко мою вольную волюшку
Вы, солдатушки государевы.
Потеряла, обронила волю вольную!
Мнѣ пойдти во хоромное строеньицо,
Мнѣ-ка взять-то прощеньицо со благословеньицомъ
У желанныхъ моихъ родителей.

Послѣ воли, жениха и невѣсту въ сѣняхъ сводятъ въ одно мѣсто, и говоритъ жениху вопленица: „Вотъ тебѣ тетерька ни щипленая; самъ тереби, а отъ людей береги". Тогда женихъ беретъ невѣсту за волосья и три раза повернетъ и поцѣлуетъ. Послѣ приходятъ въ домъ и садятъ жениха и невѣсту на подушку; и говорятъ: „садили на квашню". Потомъ ѣдутъ къ вѣнцу въ церковь. Когда изъ церкви привезутъ молодыхъ, то встрѣчаютъ ихъ съ преснымъ молокомъ на ступеняхъ или на лѣстницѣ; поятъ ихъ молокомъ и роютъ или бросаютъ чрезъ молодыхъ житомъ, и благословляютъ иконою. Потомъ сокрутятъ, посадятъ за столъ, — и бываютъ тутъ хвалины (то есть, снимаютъ фату съ молодой) и подарки со стороны невѣсты. Дружка прикликиваетъ къ столу — въ началѣ отца: „Часъ, перечасъ, призамолкните! Часъ, красныи дѣвицы, молодыя молодицы, горшечныи пагубницы! Есть ли, есть ли въ семъ домѣ живущемъ у князя молодого батюшка родной *имярекъ*. Если—нѣтъ, такъ поищите; куда ушолъ—такъ поищите; а если спитъ, такъ разбудите и къ князю молодому къ столу приведите". Тогда приходитъ отецъ къ столу, и даритъ отца невѣста подарками; также и мать, и сродниковъ. Потомъ за здравіе новобрачныхъ бываетъ попойка — у кого что̀ припасается.

Свадьба всякая производится со отпускомъ, то есть, съ колдовствомъ, и то рѣдкую свадьбу чуть не испортятъ: дѣлаютъ надъ новобрачными надъ сѣмена, то есть, портятъ, отнимаютъ дѣйство. А власти наши не обращаютъ на это никакого вниманія.

PG 3129 .O4 .B3 C.1
Pamiatniki narodnago tvorchest
Stanford University Libraries
3 6105 035 497 564

STANFORD LIBRARIES
JAN 4 1983
I.L.L. DATE DUE